

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

И. Подколзин

Двигатели замолчали, вибрация и стук прекратились, но лодка, не слушаясь руля, продолжала по инерции быстро идти вперед,

приближаясь к тонущему судну.

— Механик! В чем дело! — крикнул Ольштынский.

— Рули и винты заклинило. Выясняем причины, — донесся голос.

— Товарищ командир, глубина всего двадцать метров и быстро уменьшается, — доложил штурман.

Словно в подтверждение его слов, под круглым днищем сначала слабо, потом сильнее и сильнее, точно кто-то царапал его гигантскими когтями, заскрежетала галька.

СВЕТ НАД ГОРИЗОНТОМ

МУЖЕСТВО

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

И. ПОДКОЛЗИН

**СВЕТ
НАД
ГОРИЗОНТОМ**

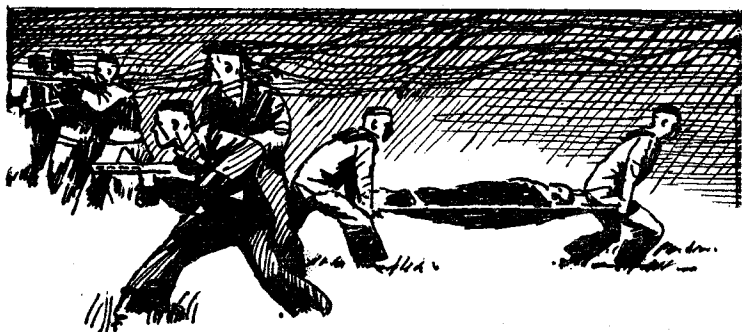
ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Ночной ералаш	5
Глава 2. Необычное задание	15
Глава 3. Засада	27
Глава 4. На борту «Германа Геринга»	39
Глава 5. Монастырь «Эльзелот»	60
Глава 6. Оберштурмфюрер Вайс	78
Глава 7. В Кайпилсе	89
Глава 8. Зловещий эксперимент	103
Глава 9. Бросок через фронт	112
Глава 10. Тридцать лет спустя	123

П $\frac{70302-106}{078(02)-76}$ 262—76

ГЛАВА I

НОЧНОЙ ЕРАЛАШ

От узкого оранжевого пламени коптилки — сплющенной гильзы с вставленным в нее фитилем — к бревенчатому потолку поднималась длинная, извивающаяся тоненькой черной змейкой струйка копоти. В блиндаже было прохладно и сыро, резко пахло влажными сосновыми досками и мокрой одеждой. К 44-му году разного рода укрытия делали добротнo, даже в тех случаях, когда пользовались ими день-два.

У самой двери, примостившись на ящике из-под патронов, солдат возился с фонарем «летучая мышь». В углу за сколоченным из неструганых досок, покрытым синей засаленной клеенкой столом, опутив голову на согнутые в локтях руки, сидел майор. Казалось, он спал. Очевидно, усталость свалила его во время работы. На столе лежали испещренные разноцветными линиями карты, карандаши, раскрытая полевая сумка, котелок с остатками ужина, жестяная кружка и какие-то бумаги. Легкий сквознячок, проскальзывавший сквозь заве-

шенную пятнистой плащ-палаткой дверь, еле-еле шевелил белые — то ли седые, то ли просто выгоревшие на солнце — волосы. По обращенной к свету части лица, по впалой, бледной щеке и резко исчерченному глубокими морщинами лбу скользили серые тени. Тишину нарушало доносящееся от противоположной стены кряхтение лежащего на нарах, укрытого двумя шинелями лейтенанта — начальника штаба отдельного батальона 130-го латышского стрелкового корпуса.

Но сидящий за столом офицер не спал. Уже давно его мучила жестокая бессонница. Сейчас он думал. А думать было о чем.

Советские войска, продолжая активные действия на всей протяженности фронта от зеленых склонов Балкан до свинцовых вод Балтики, нанесли врагу несколько особенно сокрушительных ударов. Кровопролитные бои развернулись на территории Румынии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и Польши. Наши части вышли на границу с Германией. Четко взаимодействовали фронты, и к концу лета армии вступили в Эстонию и Латвию. Не считаясь ни с какими потерями, гитлеровцы в безысходном отчаянии цеплялись за каждый более-менее приспособленный к обороне пункт и продолжали удерживать в своих руках важнейший стратегический узел Прибалтики — Ригу.

Осенью 44-го перед войсками Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу: одновременно, совместно с кораблями Краснознаменного Балтийского флота провести ряд мощных ударов и вбить «клинья» в боевые порядки группы вражеских армий «Север». Задача была не из легких. В своем составе противник имел 56 дивизий и 3 моторизованные бригады. Три четверти миллиона солдат, тысячи минометов, орудий и танков, сотни самолетов. В ходе операции предстояло расчленить группировку врага, затем после-

довательно уничтожить попавшие в «котлы» и «мешки» соединения и завершить полное освобождение Советской Прибалтики. По пространственному размаху и количеству привлеченных сил это наступление можно было считать одним из крупнейших в осенней кампании. Ригу и основную часть остававшейся еще под пятой оккупантов территории республики должны были освободить воины созданного в середине апреля 3-го Прибалтийского фронта под командованием генерала Масленникова и 2-го Прибалтийского, который возглавлял генерал Еременко. Главную роль в этой операции предстояло сыграть трем армиям: 10-й гвардейской генерала Казакова, 42-й — генерала Свиридова и 3-й ударной — генерала Симоняка. Честь освобождения столицы Латвии предоставлялась 130-му латышскому стрелковому корпусу, которым командовал генерал Брандкалн.

Да, задача была не из легких. Ее выполнение требовало огромного героизма и мужества советских солдат и мастерства и таланта полководцев.

На Рижском направлении противник возвел три хорошо продуманных и эшелонированных рубежа обороны. На создание укреплений не жалели ни бетона, ни леса, ни колючей проволоки. Тысячи узников, согнанных почти из всех лагерей, буквально замостили своими костями эскарпы и противотанковые рвы. Первый рубеж «Валга» имел две оборонительные полосы, простиравшиеся в тыл на 10—12 километров. В 80 километрах от него находился «Цесис» — сплошная траншея: доты, дзоты, опутанные паутиной ходов сообщения с хорошо пристрелянными огневыми позициями. И наконец, третий, считавшийся неприступным, рубеж «Сигулда», в него входили две основных полосы и три промежуточные позиции. В районе города проходили круговые оборонительные обводы. Вот за всеми этими «семью печатями», которые предстояло вскрыть нашим бойцам, находилась Рига — родина комбата-майора.

Неожиданно где-то наверху загрохотало. Послышались отдельные выстрелы, сухая дробь автоматных и пулеметных очередей. Из щелей между бревен на потолке посыпался песок.

Резко качнулось и вытянулось почти параллельно столу красноватое пламя. В узкую дверь блиндажа протиснулся пожилой солдат. Остановившись у стола, он огляделся, кашлянул, прикрыв ладонью рот, и шепотом произнес:

— Товарищ майор? А, товарищ майор?

Офицер даже не пошевелился. Боец, колдовавший над фонарем, приподнял голову и приложил палец к губам.

— Ну кто там еще? — лейтенант сбросил шинели, привстал и вытер со лба испарину. — Не видишь, совсем измотался человек, только голову приклонил? Что у тебя?

— Тут от командира 1-й роты пришли, говорят, их, — он кивнул на комбата, — спрашивают, с докладом, наверное, пропустить сюда или как?

— Зови, да тише сапожищами-то. Минуты отдохнуть не дадут.

Солдат высунулся из блиндажа и бросил в темноту:

— Заходи, слышь, славянин? Заползай и костылями не греми.

В проеме двери, щурясь от света, показался сержант — посланец от капитана, командира роты, занимавшей оборону неподалеку от блиндажа.

— Давай докладывать. Только тихо, тихо, пожалуйста, — лейтенант, постанывая, встал и, держась за стойки, подошел к двери.

— Велено лично, это самое, прямо им — майору, — начал боец.

— Говори мне. Не буди человека. Двое суток глаз

не смыкал. Да и меня самого малярия треплет, сил нет, зуб на зуб не попадает.

— Капитан сказали, что у фрицев ералаш какой-то происходит.

— Что еще за ералаш?

— Не знаю, так и передали, ералаш, говорят, начался, срочно сообщи комбату, так, мол, оно и так, может быть, это и приготовленный сюрприз.

— Ну, а все-таки, — майор неожиданно поднял голову, — к атаке готовятся, что ли?

— Не знаю. Суетятся. Стреляют, а в кого не ясно. Вроде как бы между собой.

— То есть как это между собой?

— Не знаю. Больше ничего передавать не приказывали — доложи, мол, и точка.

— Хорошо, сейчас сам приду. Как там дождь-то, перестал или еще льет?

— Кончился, товарищ майор. Разведрилось, кое-где звезды высвечиваются. К утру, наверное, совсем распогодит. Так разрешите идти?

— Иди.

Сержант повернулся и вышел.

— Ну пойдем и мы, лейтенант, на месте-то оно виднее, — майор встал, набросил на плечи шинель и направился к двери, — автомат возьми и гранат пару. Посмотрим, как говорят, на «приготовленный сюрприз».

— Слушаюсь, — лейтенант взял оружие и, слегка покачиваясь, пошел за комбатом.

Сразу же их окутала густая черно-синяя ночь. Только слева, метрах в пятидесяти, частыми белыми черточками еле-еле проступали во мраке стволы березок, а справа, за линией окопов, изредка вспыхивали малиновые зарницы и доносился шум вялой, будто бы нехотя затеянной, перестрелки. Дождь перестал, но воздух до предела был насыщен влагой. Прямо за порогом расплзлась огромная лужа.

Узким ходом сообщения, затянутым сверху маскировочными сетями, скользя по чавкающей под ногами вязкой глине, офицеры прошли на командный пункт батальона, расположенный у самой опушки небольшой рощицы.

— Привет, капитан! Что, зашевелились там? — майор подошел к прильнувшему к стереотрубе командиру роты. — Обычно ночью в последнее время они активности не проявляли.

— Черт знает, извините. Все было тип-топ, тихо, только ракеты пускали для порядка, как водится. Потом стрельба началась. Получается, вроде между собой перегрызлись, друг друга колотят. Пули к нам не залетают. Создается такое впечатление, что до нас им вообще дела нет. Во, смотрите, смотрите! Видите, чуть правее разбитого танка словно клубок какой-то возит-ся, куча мала. Врукопашную, что ли, сцепились? Темень еще проклятая, — когда надо, так ее нет.

Со стороны немецких окопов взметнулся к небу огромный кроваво-красный сполох, и через секунду дрогнула под ногами земля, так что даже со стен траншеи покатились комья глины.

— Здорово. Это у них между первым и третьим эшелонами. Света тебе не хватало — сейчас, наверное, его будет много.

— Пусть светят. Важно понять, что же они затеяли. Может, отвлекают внимание специально, чтобы разведку пропустить? — капитан поднял бинокль. — Да-а, темень, хоть глаз выколи, время самое подходящее по ничьей земле шастать.

— Не до разведки им сейчас, обложены со всех сторон, как медведь в берлоге. Одна мысль и осталась — морем смыться, шкуру свою дырявую унести да напакостить, нагадить напоследок побольше, — сказал отрывисто майор.

Внезапно стрельба усилилась. Подряд ухнуло не-

сколько взрывов гранат, еще раз, словно горох по железной крыше, рассыпались очереди, небо прочертили разноцветные трассы, и на фоне разгорающегося в глубине обороны гитлеровцев пожара на ничейную землю выскочило несколько темных фигурок.

— Так и есть, разведка боем, не подвела меня интуиция, — капитан снял трубку телефона. — Восьмерка? Я — третий, приготовиться к контратаке. Как подойдут к первому ориентиру, открыть огонь из минометов. Артиллерии пока молчать!

Опять с немецкой стороны взвился целый букет белых ракет. Ровное поле перед нашей обороной осветилось мертвым голубоватым светом. Прямо на КП надвигалась какая-то темная масса.

Длинные тени от бегущих людей преломлялись на изрытой и перепаханной снарядами и гусеницами танков ничейной земле, создавали впечатление, что на наши позиции катится целая лавина подпрыгивающих на выбоинах черных бревен. Снова с шипением вверх пронесли ракеты, и в их свете отчетливо обозначились люди.

— Во весь рост жмут, гады, даже не маскируются, пьяные, наверное, — командир роты взял трубку, — сейчас мы их встретим, живо отрезвеют.

— Подожди, не торопись, — майор положил руку на плечо капитана, — интуиция, конечно, вещь нужная, но здесь что-то не то. Если бы это была разведка, не стали бы они освещать нам цель.

— Знаем мы эти штучки, всяко бывало, — капитан опять потянулся к трубке.

— Отставить! Прислушайся... Слышишь, кричат?

Сквозь шум боя с ничейной земли доносились отдельные возгласы: «Не стреляйте, свои... Идем на прорыв... Не стреляйте».

— Слышишь? По-русски кричат.

— А может, это перебежчики? Вчера как раз на

этот район, правее Киш-озера, перед амфибийным десантом бросили листовки, — вставил лейтенант, — вот и идут сдаваться.

— Во, во, и все горланят, да с рязанским акцентом. Не похоже это на массовый переход. Нет.

— А если власовцы?

— Вряд ли. Да и не было их на этом участке фронта.

— Скомандуй-ка, капитан. Быть готовым, но не стрелять. Наблюдение усилить. А минометы пусть отрегулят эту группу от немцев.

Капитан отдал приказ. Почти тотчас в воздухе зашвистели мины, и на окопы фашистов обрушился ураган огня.

— Подключи пушкарей. Пусть ударят по второму эшелону, — майор приник к стереотрубе.

Где-то в тылу, за рощей, ухнули залпы. На мгновение осветились вершины деревьев. В воздухе прощелестели снаряды, а в глубине немецкой обороны взметнулись всплески разрывов. Капитан что-то крикнул в темноту, и вдоль траншеи понеслись повторяемые командирами слова команды.

— Прикажи саперам открыть проход в заграждении.

Через бруствер тотчас скользнуло несколько солдат выполнить приказ.

Уже было отчетливо видно, как метрах в пятидесяти от КП, по равнине, отстреливаясь, пригибаясь и укрываясь в воронках, бежали несколько черных фигурок.

— Дьявольщина, да они же в немцев палят! — капитан посмотрел на майора. — Ну точно, в своих лупят!

— То-то и оно. А ты говоришь — разведка, здесь совсем другое.

— А что именно?

— Сам не знаю. Думаю, все же пойдем скоро.

Саперы открыли рогатки в заграждении, и через брустверы в окопы стали прыгать люди.

— Матросы, мать честная, — протянул кто-то удивленно, — откуда же они, господи?

Трое моряков, заляпанных с головы до ног грязью, осторожно с рук на руки передали в окоп сделанные из жердей носилки с лежащим на них человеком.

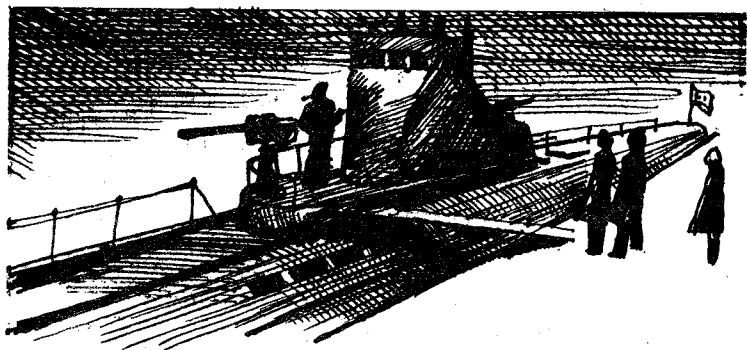
— Эй, славяне! — крикнул один. — А ну срочно доктора сюда, да живее шевелись — это наш командир.

* * *

В блиндаже по другую сторону стола против майора сидел человек в форме морского офицера. Усталое, почерневшее, небритое, слегка усыпанное веснушками лицо. Из-под сдвинутой на затылок фуражки выбились светлые, с рыжеватым оттенком, длинные волосы. Правую, нервно подергивающуюся щеку пересекла глубокая, кровоточащая царапина. Дрожащими пальцами он пытался прикурить от коптилки предложенную комбатом папиросу. Когда ему это удалось, моряк глубоко затанулся, но тут же, поперхнувшись и закашлявшись, выпустил изо рта дым и, подняв на майора синие с покрасневшими белками глаза, немного хрипловатым голосом произнес:

— Я заместитель командира по политической части подводной лодки «Щ-17» старший лейтенант Долматов Николай Николаевич. Со мной моя команда, — он горько усмехнулся, — вернее все, что от нее осталось. Нас было шестьдесят, сколько вернулось, сейчас доложат. Командир, капитан-лейтенант Леонид Сергеевич Олыштынский, тяжело ранен.

— А как вы попали сюда? — майор поставил локти на стол и пристально посмотрел на офицера. — Ведь мы находимся от береговой черты в тридцати километрах? — он кивнул на лежащую на столе карту. — Да, даже в тридцати двух...

ГЛАВА 2

НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ

Плавбаза бригады подводных лодок была ошвартована у так называемого «водяного» пирса, куда обычно подходили корабли брать воду. В маленькой каюте по правому борту, рядом с кубриком, отведенным для личного состава «Щ-17», сидели командир и замполит. Было как раз то время в строгом распорядке, когда перед ужином оставалось несколько ничем не заполненных минут. Из открытого настежь иллюминатора доносился шум порта: тархтели по стыкам рельсовых путей развозящие боезапас вагонетки, поскрипывали блоки да слышались голоса людей, принимающих грузы.

Начало смеркаться, но света еще не зажигали, чтобы не закрывать иллюминатор маскировочной броняшкой. Несмотря на мелкий дождик, зарядивший с полудня, было тепло и даже слегка парило.

Долматов поднялся с кресла и, подойдя к деревянной койке-рундуку, прилег, закинув руки за голову.

Он лежал, уставившись в подволок, думая о чем-то своем. Затем повернулся к сидящему за столиком Ольштынскому и тихо засмеялся.

— Ты что? — командир поднял от бумаг голову.

— Эпизод один вспомнил. Было мне три года. Жили в Саратове, отец там работал начальником уголовного розыска. И он и мать, она была медсестрой, приходили — мы спали и уходили — мы спали. Мы — это я с братом, он на три года старше. А воспитывала нас бабушка Мария Ивановна. И вот как-то собрались ребята на Волгу, а соседка услышала, как мы договариваемся, и побежала, злодейка, доносить: «Марь Иванна, ваш Коля на Волгу ушел». А бабка ей в ответ: «Ничего, жрать захочет — придет». А рассказал я это знаешь зачем? Вот ведь сколько лет прошло, а помню все до мельчайших деталей. Даже запах бочки, в которой сидел, когда соседка на меня «капала». То есть то, что с нами происходит в детстве, мы запоминаем на всю жизнь. Причем учти: и хорошее и плохое.

— Спасибо, что пояснил.

— Да, так вот — с самого раннего детства в сознание человека аккуратно, систематически надо закладывать все самое лучшее. Ты только представь, Леонид, — Долматов приподнялся на койке и, прищурившись, посмотрел на Ольштынского; — дети — это наша смена и...

— Понимаю, — капитан-лейтенант захлопнул книгу и повернулся к замполиту. — Еще из прописных истин я могу назвать хоть бы эти: Волга впадает в Каспий, а деньги надлежит хранить в сберкассе. Так?

— Так. Ну а знаешь ты, чем, например, отличается мужчина от женщины? А тем; — замполит многозначительно поднял палец, — что мужчина умеет слушать собеседника до конца, не перебивая. Ясно?

— Виноват. Продолжай свою мысль о нашей смене. Я весь внимание.

— Мысль моя такова, повторяю: то, что в ребенке заложено в детстве, навсегда останется с ним. Со временем только трансформируется, приобретет в силу воздействия общественного бытия новые нюансы. В качестве доказательства еще один небольшой экскурс в детство. Понимаешь, Леня, в то время, когда я только начал познавать себя и носил короткие штанишки...

— И вероятно, не всегда сухие в процессе познания.

— Пошляк и грубиян.

— Извини, пожалуйста, — командир засмеялся, — больше не буду, продолжай.

— Так вот, тогда особенно остро я понял, как больно и надолго ранит клевета и человеческая несправедливость. Жили мы в старом двухэтажном доме, на первом этаже. А над нами — семья сапожника. Вопреки пословице человека абсолютно непьющего. Было у него четыре дочери — две пары близнецов — с разницей в один год. Такие зловредные девчонки. Бывало, стоит мне появиться во дворе, они, соплячки, высыпают на галерею и давай: «Рыжий, красный, человек опасный!» Или это: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой». А то песню пищат: «Колька первый был на улице злодей — бил котят, утят и маленьких детей». Представляешь? Ну «рыжий-конопатый» ладно, против природы не попрешь, факт налице, но вот дедушку своего я вообще не помню, а следовательно, убить его не имел возможности. Ты не удивляйся, я действительно тогда рассуждал так. Кроме того, никогда и пальцем не трогал тех, кто слабее меня, в том числе, разумеется, и «братьев наших меньших». И вот даже сейчас ощущаю я ту мальчишескую обиду — за что же меня так. А еще горше мне стало, когда впоследствии я узнал, что в песне речь шла не о Кольке, а о каком-то Семейлоде, который потом перековался. И подумать только, с тех пор не выношу ни клеветы, ни несправедливо-

сти. А рассказал я тебе это как иллюстрацию, что ли, к своим мыслям. Будь моя воля, сделал бы коренной переворот в детском воспитании — ничего бы не пожалел. Начиная с яслей и до института направил бы на должности наставников самых умных, честных, принципиальных, бескомпромиссных и благородных людей. Оклады бы им назначил самые высокие, от всех забот избавил: занимайся только воспитанием, лепи людей достойных, выращивай, выковывай. И глубоко я убежден — резко бы пошли на убыль разные мерзости людские, ведь это новое поколение влияло бы где-то и на своих родителей, и на прочих окружающих. Вот так-то, милый мой. — Старший лейтенант опустил ноги с койки. — С этого надо начинать, если мы хотим в самый короткий срок получить гармонически развитого, умного человека. Ты только представь себе, как это будет хорошо. И ведь будет, черт возьми, будет. Обидно, правда, как сказал Некрасов: «Вот только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Согласен со мной?

— В первой части да. Во второй нет. Может быть, и доживем. Но это все будущее, сейчас же думать надо о том, что нас ждет буквально час спустя.

— Ужин. Короткий отдых и, как тебе известно, выход на задание.

— Настораживают меня все эти приготовления. Лодку поставили не туда, где мы стоим обычно перед выходом, а куда-то к черту на кулички, хотя места хоть отбавляй. Вон посмотри, — командир указал рукой в иллюминатор в сторону другого берега бухты, где, как заснувшие на воде киты, борт о борт стояли лодки. — Опять какие-то секреты, «тайны мадридского двора».

— По-моему, специально для нас что-то придумали необычное, исключительное, — замполит затянулся папиросой, — специально, понимаешь, какая честь?

— Куда там. Обыкновенный поход, сам же слышал, как вчера комдив докладывал адмиралу. Может быть, это козни начальника штаба, не любит он меня, за что, ума не приложу.

— А ты не ехидничай, когда с ним говоришь, не высмеивай его слабости, тем более человек-то он хороший, а заговаривается иногда, ну что делать, у всех могут быть недостатки. Что же касается похода, то, наверное, какие-то изменения.

— А что переменилось, что? Прямо заинтриговали, любопытство разбирает.

— Удивляюсь тому, что ты все время на службе удивляешься.

— Зря каламбуришь, я же серьезно с тобой.

— Выдержка, мой друг, выдержка. Основное качество моряка. Конечно, образцового, лихого моряка. Все узнаем своевременно, не раньше и не позже.

— Тоже правильно. Пойдем-ка ужинать. Сытому всегда лучше, собирайся побыстрее. Погода как раз для выхода. И туманчик намечается, и дождичек, и ночь обещает быть темной.

Офицеры оделись и вышли в коридор.

Когда они уже огибали здание столовой — длинного дощатого барака, от которого за сотню метров тянуло запахом щей и подгорелого сала, прямо на них, чуть не сбив с ног, выскочил матрос.

— Товарищ командир, — задыхаясь от быстрого бега, прокричал он, — к адмиралу срочно, и вас, — матрос кивнул на заместителя по политчасти, — тоже.

— Дух переведи сначала. Вот так. Отдышись. Теперь толком доложи, — командир повернулся к замполиту. — Ну сейчас, кажется, узнаем все.

— Прибегал рассыльный из штаба, — начал матрос, — передал, чтобы командира и заместителя по политчасти немедленно к комбригу.

— Добро. Вот теперь все ясно. Можешь идти.

— Есть, — моряк повернулся и побежал к лодке.

— Знаешь, выработалась у меня дурная привычка: когда вызывают к начальству, да еще срочно, я почему-то, даже если ни в чем не виноват, ставлю себе вопрос: за что? И начинаю мысленно перечислять все свои грехи. За одни вроде уже нафитилияли, о других пока не знают, третьих еще не совершил. Идешь и терзаешься, душу себе мотаешь — сомненья грызут. Прошлый раз вызвали, ну являюсь, а мне говорят, дескать, к ордену тебя представили. Я даже разочаровался. Вот и разберись, как говорят, «ожидаете ты гуся, а получишь лосося».

— Пути начальства неисповедимы, — кто это сказал первым, был зело мудр, — замполит усмехнулся, — но сейчас, кажется, ни хвалить, ни ругать нас не будут. Во-первых, вроде не за что, во-вторых, было бы антипедагогично — ругать перед походом, ну а обо всем остальном узнаем через несколько минут. Пошли, Ленья, начальство не любит, когда опаздывают, и вообще точность — вежливость морских офицеров, да и, кроме того, просрочишь хоть минуту — корабль ушел.

— Я слышал, говорят — поезд ушел.

— Считай так, если тебе приятнее.

* * *

Над длинным, стоящим посредине большой комнаты столом склонилось несколько старших офицеров. Среди них выделялся комбриг. Высокий и широкоплечий, в очках, почти совсем лысый. Сухой, подтянутый и весь какой-то плоский.

— Товарищ адмирал, — Олыштынский вышел вперед, — командир подводной лодки «Щ-17» капитан-лейтенант Олыштынский и заместитель по политчасти старший лейтенант Долматов прибыли по вашему приказанию.

— Добро, прошу сюда, — адмирал указал на свободное место у стола, — поближе, пожалуйста.

Низко над картой висела большая сильная лампа под темным абажуром. Стены кабинета и стоящие вдоль них стулья находились в тени.

— Начальник штаба, доложите задание.

Небольшого роста кругленький капитан первого ранга неодобрительно посмотрел на командира лодки, открыл лежащую перед ним папку и, откашлявшись, произнес:

— Мы уже говорили, — начал он, — что сегодня ночью ПЛ «Щ-17» должна выйти в море. Погода сейчас, так сказать, удачная. Достигнув квадрата 29494, стать на позицию у входа в порт и при подходе транспортов противника атаковать их, — он повернулся к Олыштынскому. — Вас вчера, надеюсь, подробнейшим образом ознакомили с операцией, так сказать, во всех деталях.

— Так точно, товарищ капитан первого ранга, — ответил Олыштынский.

— Значит, первая часть ясна, не правда ли?

— А будет еще и вторая?

— Обычно младшие по званию и должности терпеливо слушают до конца и потом задают вопросы, если им что-либо непонятно, и, так сказать, получают конкретные ответы, — начальник штаба сердито покосился на Олыштынского.

— Прошу прощения.

— Итак, повторяю. С операцией вы ознакомлены вчера. Сегодня произошли некоторые изменения, так сказать, внесены коррективы.

По пути на позицию вы в подводном положении подойдете к этой точке, — он указал толстым красным карандашом место на карте, — всплывете ровно в 24 часа и высадите нашего человека. С берега должен быть дан сигнал фонариком: четыре повторяющиеся

проблеска. После высадки приступите к выполнению основного задания. Все понятно?

— Так точно, все. А когда придет к нам этот ваш, или вернее, наш человек?

— Сейчас, — начштаба опять с укором посмотрел на командира лодки и повернулся к стене. — Вот прошу познакомиться, любить и, так сказать, жаловать. Это и есть, как вы правильно заметили, Ольштынский, наш человек.

От стены отделился человек и подошел к столу.

— Ирма Линдус, — капитан I ранга сделал изящный жест своей коротенькой ручкой, — а это Ольштынский, командир лодки, молодой еще, так сказать.

Девушка вошла в круг света и посмотрела на офицера.

Капитан-лейтенант слегка вздрогнул. Потом нерешительно протянул ей руку и сказал:

— Ольштынский Леонид, — и, смутившись, добавил, — капитан-лейтенант, так сказать.

Начальник штаба хмыкнул и захлопнул папку, всем своим видом показывая, что ничего хорошего он от Ольштынского и не ждал.

— Очень приятно, так, кажется, говорят в подобных случаях? — девушка пожала протянутую руку, опустила глаза и сделала шаг назад снова в тень.

— Вот и познакомились, — комбриг взял пакет и протянул Ольштынскому, — здесь оба варианта и боевой приказ. Выход в двадцать один ноль-ноль. В полной секретности. Нет вопросов?

— Нет. Все ясно. Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Пассажирка ваша прибудет на лодку за пять минут до выхода. Можете идти. Желаю удачи!

— Есть.

Офицеры повернулись и вышли.

— Ожидал всего, чего угодно, но чтобы женщину

возить — ни-ни, — протянул Долматов. — Сколько разведчиков доставляли, но такое впервые. Девушка на подводной лодке? Прямо конец света. Княтр, как говорила моя бабушка Мария Ивановна. Ну мне-то ладно, я не кадровый, из газеты пришел, в газету и вернусь, а вот как ты, морской волк, переживешь подобную шутку, хотелось бы знать.

Ольштынский шел молча. Он поднял воротник шинели и глубоко засунул руки в карманы.

— Что молчишь, командир? Тоже ошарашен, а может быть, просто еще не пришел в себя от неземной красоты незнакомки?

— Иногда люблю помолчать, думается лучше, так сказать, как говорит наш начальник штаба.

— Вот за это он тебя и недолюбливает. Ну что ты в самом деле прицепился к этому «так сказать»?

— Да это не я прицепился, а фраза ко мне — никак отделаться не могу, мания какая-то, черт бы ее побрал.

Офицеры подошли к пирсу, по пружинящему деревянному трапу прошли на лодку и скрылись в люке.

* * *

В третьем отсеке, в отгороженной тонкой дюралевой переборкой от кают-компания каютке, Ольштынский сидел, опустив подбородок на поставленные друг на друга кулаки, уставившись невидящими глазами в одну точку. «Прямо наваждение какое-то, — размышлял он, — Ирма Линдус? Тогда ее звали совсем по-другому. Да и что-то в ней изменилось, повзрослела или возмужала — переменилась вместе с именем. Ну да ладно, дело не в имени в конце концов. Хотя прежнее — Ирина — куда лучше, роднее, ближе».

А было это всего каких-то четыре года назад, в Ленинграде. Да. Впервые они познакомились именно в

Ленинграде, на выпускном вечере, на последнем балу в зале Революции. Сияли огни хрустальных люстр, играла музыка, блестели на рукавах кителей новенькие золотые нашивки. Кто же его познакомил с ней? Ах да, Игорь Соболев из четвертого взвода их же роты. Веселый, никогда не унывающий славный парень. Прямо так подошел и с деланной тоской в голосе, немного подвивая, сказал: «Леня, вот девушка, которая час назад отвергла окончательно и бесповоротно, и, как мне кажется, необдуманно, и совершенно напрасно, мою любовь, видишь, как бывает, не успели лейтенанта дать — и уже в отставку, может быть, ты будешь счастливее, а я скорее всего этого не переживу. Адье, танцуйте на моих похоронах...»

Через год он погиб в Таллинском походе, таранив своим торпедным катером фашистский миноносец. Ошибся ты, старина, надо мной тоже подшутила судьба. Все было прекрасно, но потом Ирину как подменили. Начались разговоры: сейчас не до любви, когда идет война и льется кровь. Словно в гражданскую: поженимся после победы мировой революции. А перед самым решительным объяснением она исчезла вообще.

А вот теперь именно он доставит ее в тыл к гитлеровцам. Рассказать кому-нибудь — не поверят. Неве- роятно.

* * *

Накрапывал мелкий дождь, капли нудно барабанили по холодной блестящей палубе подводной лодки, все кругом затянуло чернильной промозглой сыростью, к запаху соляра примешивался запах мокрого металла. Запахнувшись в дождевик, надвинув бескозырку на самые глаза, у трапа стоял вахтенный матрос. Из темноты со стороны штаба бригады показались три скорее тени, чем фигуры людей, которые медленно приближались к стоящему у пирса кораблю.

— Стой! Кто идет? — матрос вскинул винтовку.

— Адмирал. Вызовите капитан-лейтенанта.

К трапу подошли командир бригады и двое в резиновых плащах, с накинутыми на голову капюшонами.

— Есть вызвать командира, — узнав комбрига, моряк нажал кнопку сигнала.

Минуту спустя из люка центрального поста показался Ольштынский. Он вылез на площадку мостика и по деревянным, покрытым пеньковым ковриком сходням сбежал на причал.

— Товарищ капитан первого ранга, лодка «Щ-17» к походу готова, — он отступил в сторону. — Командир корабля капитан-лейтенант Ольштынский.

— Добро, — произнес комбриг, — принимайте пассажира.

От группы отделилась фигура и пошла к трапу. Ольштынский узнал Ирму.

— Отходите, командир, желаю удачи, — адмирал пожал ему руку и, повернувшись к спутнику, что-то сказал.

— Вот сюда, пожалуйста, — Ольштынский поддержал Ирму под локоть. — Осторожней, здесь скоб-трап.

Они подошли к открытому люку и остановились.

— Я спущусь первым, если вы не возражаете, а вы сразу за мной. Для вас уже приготовлено место.

Он спустился в центральный пост и крикнул штурману, заменявшему заболевшего старпома:

— Играйте аврал, сейчас снимаемся и уходим.

Затем повернулся к стоящей рядом гостье:

— Пойдемте, я провожу вас.

Ирме сначала показалось, что она попала в огромный железный туннель, все стенки которого были сплошь покрыты приборами, трубопроводами и различными маленькими и большими маховичками и клапанами. Сверху тускло горели забранные сеткой лампочки, под ногами блестели рифленые стальные листы пола.

По сигналу подводники разбежались по своим местам.

Ольштынский привел девушку в свою каюту и, пропустив вперед, сказал:

— Располагайтесь как дома. Извините, мне надо на мостик. Если что потребуется, вызовите рассыльного, вот здесь кнопка.

— Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания, мне ничего не нужно, спасибо.

Командир, немного помедлив, закрыл дверь и ушел в центральный пост.

Наверху что-то гроыхало. Мерно застучали дизели, лодку качнуло, она плавно отошла от пирса и скрылась за сеткой дождя.

«Ну вот и поехали», — подумала Ирма и, отбросив капюшон, стала снимать плащ...

ГЛАВА 3

ЗАСАДА

С рассветом лодка застопорила ход и легла на грунт. До предполагаемой точки высадки разведчицы оставалось миль двадцать. После завтрака личный состав занимался своими делами по расписанию. Обойдя все отсеки, Долматов зашел в центральный пост. В привинченном к палубе полумягком вертящемся кресле, прислонившись к переборке, подложив руку под голову, дремал командир. При входе замполита он открыл глаза, зевнул и, проведя ладонями по лицу, спросил:

— Ну, как дела?

— Как всегда, порядок на полубаке или, как часто пишет наша флотская газета, «моряки живут полнокровной жизнью».

— Отлежимся здесь до темноты и пойдем в квадрат. За пару миль до назначенного пункта нырнем, прислушаемся и проследуем в точку. Потом всплывем и свяжемся с берегом. А дальше — точно согласно инструкции. Так?

— Думаю, что так, — старший лейтенант присел рядом на складной стульчик.

— Как, интересно, себя чувствует пассажирка? — спросил Ольштынский.

— А чего ей чувствовать. По-моему, спит. Женщины, мне всегда казалось, очень любят спать — это у них как лекарство от всех невзгод и болезней.

— Вряд ли. Во всяком случае, мне бы на ее месте было не до сна, все-таки не в парикмахерскую на перманент идет.

— Что касемо перманента, то оный у нее отсутствует. А вот тебе и на своем месте вроде не до сна?

— Это почему же? Ты о чем? — подозрительно прищурился Ольштынский.

— Да все о том. Не знаю, может быть, я и ошибаюсь, но мне показалось, что вы знаете друг друга.

— Считай, что тебе показалось. Понял?

— Что ж не понять. Значит, вы знакомы, это точно. Почти с начала войны мы служим вместе. Да и, кроме того, чувств ты своих скрывать не умеешь. Почему и начштаба на тебя зуб заимел. Что на витрине, то и в магазине. Чего не скажешь о ней. Даже бровью не повела, молодец.

— Домыслы? Или вымыслы?

— Логика, дорогой, логика и сопоставление фактов. Я, как ты знаешь, до войны в газете работал, в отделе быта. Во! Заниматься приходилось всем, чем угодно. Каких только людей не перевидал. Придет к тебе какой-нибудь тип, ну честь по чести ангел ангелом, а тебе что-то внутри шептывает: берегись, дьявол. А иной раз наоборот, с первого взгляда думаешь: прохвост — пробы ставить негде, а разберешься — человек-то вполне нормальный, стоящий. Так и постигал человековедение.

— А бывало, что ошибался?

— Бывало, особенно вначале, и очень часто. Потом

накопил опыт, научился приглядываться, получил, как говорится, профессиональные навыки, сразу легче стало.

— И все пошло как по маслу, накладок не было?

— Ну как же, были. Люди все разные, по типовому проекту их не делают. Случались и недоразумения, но, по крайней мере, старался, чтобы их было как можно меньше. В нашем деле журналистском можно таких дров нарубить, что потом сам черт не разберет. Ведь люди приходят за помощью, за советом, а иногда просто выговориться.

— И что же мне посоветуешь? Исповедываться тебе, как папе римскому?

— Ему, папе римскому, кстати, такие, как ты, не исповедуются. К руке не подпустит. А вот с девушкой поговори. Сам знаешь, на что идет она, да и ты тоже. Может быть, и увидите в последний раз. Обоим легче станет. Нет ничего хуже неясности, а мне кажется, в ваших отношениях она есть.

— Ты думаешь?

— Я всегда думаю и тебе советую. Голова дана не только для того, чтобы фуражку с крабом носить.

— Спасибо, комиссар, хороший ты все-таки человек. Впрочем, еще Василий Иванович Чапаев говаривал: такому командиру, как я, какого-нибудь завалящего замухрышку не пришлют. А?

— И за это благодарствуйте. Не пыжься особенно — лопнешь. От скромности ты не умрешь — это уж абсолютно верно.

* * *

Монотонно жужжали электромоторы. Нырнув за две мили до пункта высадки, лодка медленно под перископом приближалась к заданной точке.

— Мы на месте, точно в квадрате, товарищ командир, — штурман слегка дотронулся до плеча прильнув-

шего к перископу Ольштынского, — можно подниматься, время двадцать три сорок.

— Хорошо. Стоп моторы! Всплытие!

Наступившую на мгновение тишину нарушило шипенье вытесняемой из цистерн воды. На поверхности моря появился сначала кривой, зубчатый нож для разрезания противолодочных сетей, затем рубка и носовое орудие — и вот уже вся лодка, длинная, словно покрытая глянцем, закачалась среди небольших волн. Открыв люк, Ольштынский первым вылез на мокрую палубу. За ним поднялись Долматов, штурман и боцман. Как приятно было вдохнуть полной грудью свежий морской воздух!

— Берег там, — штурман показал рукой в сторону еле-еле видневшейся сквозь ночь темной полоски. — Ветер оттуда, чувствуете, хвоей пахнет. Время двадцать три пятьдесят.

— Давайте проблески, условный сигнал.

В ночь полетели световые вспышки. Далеко во тьме четыре раза мигнули фонарем.

— Земля ответила правильно, товарищ командир, — доложил сигнальщик.

— Боцман! Готовьте лодку. Первыми пойдут старшина и двое матросов без пассажирки. Если все нормально, вернуться и забрать ее. Сначала отгребите немного в сторону, но так, чтобы нас из виду не терять, и только потом поверните к берегу.

Матросы вытащили на палубу складную резиновую лодку. Быстро ее надули и осторожно опустили у борта.

— Все готово, товарищ командир, — доложил старшина.

— Оружие взяли? Спасательные нагрудники?

— Так точно, автоматы, гранаты и фонарь. Жилеты надели.

— Подойдете к берегу, сразу не высаживайтесь, выясните обстановку, чуть что — мигом назад. Будьте предельно осторожны.

— Я передал Ирме, она уже готова, — Долматов кивнул головой на люк, — сидит там, бедненькая, ждет.

— Пусть сюда идет, глаза к темноте привыкнут.

Девушка поднялась на палубу. На ней был берет и комбинезон. Наброшенная на плечи плащ-палатка. В руках она держала рюкзак и небольшой чемоданчик.

— Подышите воздухом. Проветритесь немножко, сейчас придут разведчики, и мы вас отправим, — не поворачивая к ней головы, глухо произнес Ольштынский.

— Хорошо. Благодарю вас. Не лучше ли мне было идти сразу, чтобы вас не задерживать. Я уже...

Договорить она не успела. В том месте, куда ушли матросы, что-то ярко вспыхнуло. Затем еще и еще. Потом донесся грохот взрывов и треск автоматных очередей. В ту же секунду темноту разрезали бело-голубые лучи прожекторов, и лодка засветилась в их перекрестии.

— Все вниз! Срочное погружение!

Хлопнул люк, и взбудораженные выходящим из цистерн воздухом волны сомкнулись над проваливающимся в воду кораблем.

Над лодкой гулко ударили взрывы...

* * *

Описав огромную дугу, «Щ-17» легла на грунт и застопорила моторы.

— Акустик, как наверху? — крикнул Ольштынский.

— Два охотника сбрасывают глубинные бомбы восточнее того места, где мы были, примерно на полмили. Разрывы удаляются.

— При изменении обстановки сразу доложите, — командир повернулся к замполиту. — Чуешь, как все

обернулось? А? Вот уж, действительно, на войне как на войне, не хочешь, да поверишь, что женщина на корабле к несчастью. Еще бы немного — и ее своими руками, можно сказать, на тот свет препроводили. Что же там могло произойти? Как думает комиссар?

— Давай пригласим Ирму, уточним?

— Хорошо, зови только не в центральный пост, а ко мне в каюту.

Долматов прошел во второй отсек и спустя некоторое время вернулся с девушкой.

— Садитесь сюда, — командир показал на кресло, — давайте обсудим, как жить дальше и вообще как это могло случиться?

Девушка молча села.

— Пока ясно одно. В квадрате нас ждали, судя по катерам-охотникам и артиллерии; и приготовились основательно. Им были точно известны опознавательные сигналы и время. Утечка информации с нашей стороны полностью исключена. Так, комиссар?

— Абсолютно. И не потому, что я доверяю команде как себе самому, а просто информации некуда было утекать: лодка не имела никакой связи с землей.

— Значит, порвалось какое-то звено у вас, — Ольштынский сделал жест в сторону Линдус, — какое именно?

— Пока не знаю. Может быть, подняться, поискать матросов?

— Чудес не бывает. Достаточно одного малюсенького осколочка или пули, чтобы надувная лодка пошла ко дну. На шлюпке были надежные, смелые ребята. Катера не дадут им уйти вплавь. Спасаться, стало быть, некуда. Жизнь свою моряки отдают недешево. В плен не сдадутся, а значит, и помогать нам некому.

— Может быть, все-таки попробовать? — девушка, словно ища поддержки, повернулась к Долматову.

Замполит молча покачал головой.

— Думаю, правильное подождать, когда уйдут охотники. В подводном положении отойдем подальше и всплывем, пока еще не рассвело, затем свяжемся со штабом, доложим им и будем действовать, как прикажут. Так? — Ольштынский замолчал.

— Иного выхода нет, очень жалко ребят — прекрасные были люди, но, как ты сказал, на войне как на войне — потери неизбежны. Уходим, командир, командуй.

Через час лодка оторвалась от грунта и двинулась на север. Отойдя мили три, всплыли и передали сообщение в штаб бригады.

Ответ с Большой земли пришел быстро: лодке приступить к выполнению основного варианта задания. И отдельная шифровка для разведчицы.

Ночью всплыли и ходко пошли на запад, туда, где пролегалли коммуникации, связывающие осажденного, прижатого со всех сторон к морю, врага с основными силами.

Оставив на мостике вахтенного офицера, командир спустился вниз и послал рассыльного пригласить к себе Долматова и Линдус.

Замполит появился почти тотчас, очевидно, прикорнул где-нибудь рядом. Лицо у него было усталое, резче обозначились морщины на лбу, глаза запали. Он грустно посмотрел на Ольштынского и тяжело опустился в кресло.

— Четвертый год воюю, командир. Всего насмотрелся, а вот к смерти друзей никак не привыкну.

— А ты думаешь, можно к этому привыкнуть?

— Ну хотя бы воспринимать не так остро, что ли, но ничего не получается, все как в первый раз. Помню, только-только прибыл на фронт — воевать был направлен на сушу, и увидел труп нашего бойца, совсем незнакомого. И сразу такое возмущение меня охватило, и такая злоба в душе поднялась, прямо чуть не задох-

нулся. Да как вы, думаю, гады, смеете наших людей убивать?! Наивный был, даже, помню, мелькнуло в сознании, что безобразие все это, когда же управа на вас, мерзавцев, будет, ведь нельзя же так, понимаешь. И только потом осознал, что управа эта во мне самом. И возмездие придет через меня.

— Да, Николай, мне это тоже знакомо: очень жалко ребят. Знаешь, что сделать ничего нельзя, а на душе какое-то чувство вины, будто что-то ты не предусмотрел, не учел. Разумом себя оправдываешь, а сердце болит, и где-то в глубине будто стоит кто-то из их близких и говорит укоризненно: ведь ты-то жив, а их нет и никогда не будет; страшное это дело — война, будь она трижды проклята.

В дверь постучали. Вошла Ирма и остановилась у переборки.

— Вы меня звали? — спросила одними губами.

— Да, присаживайтесь, пожалуйста. Давайте вместе кое-что обсудим.

Разведчица села на край диванчика, положив руки на колени.

— Мы идем на боевое задание. Вы были у командира бригады и знаете — это не только не легко, но и опасно. Действовать будем в районе порта Кайпилс, на самых оживленных коммуникациях противника. Нам приказано взять вас с собой, — Ольштынский усмехнулся, — благо девать все равно, простите, некуда. В том документе, который получили вы лично, есть другие предложения?

— Нет, все именно так, единственное дополнение — это указание в случае изменения обстоятельств действовать по обстановке, по известному только мне плану.

— Вы, надеюсь, извините нас, — вмешался замполит, — за то, что мы не сможем предоставить вам, как женщине, даже элементарных удобств.

— Я не рассчитывала на комфорт, — девушка строго посмотрела на Долматова, — я сожалею, что не смогла выполнить приказа и явилась пусть даже косвенной, но все же причиной гибели моряков.

— Не надо переживать, — лицо Ольштынского слегка побледнело, — не вы их убили, да и не за вас они погибли, матросы исполнили свой долг. Но не будем об этом. Мы хотели просто...

— Подожди, Леонид, подожди, — перебил его Долматов и положил ладонь на руку Ирмы, — сегодня прямо-таки какой-то покаянный день, у всех на душе чувство вины. Хватит. Мы вот что сделаем. Я сейчас обойду лодку, поговорю с людьми. Они знают не все, что известно нам, а отсутствие точной информации может вызывать нежелательные толки. Правильно? — он повернулся к командиру. — А вы здесь решите сами, что, как и почему. Я пошел.

Долматов поднялся, одернул китель и вышел, плотно прикрыв за собой тонкую фанерную дверь.

* * *

— Как это ни банально звучит, но я никогда не думал и даже не мог предположить, что мы встретимся именно так, — после небольшой паузы начал Ольштынский. — Да, именно при этих странных обстоятельствах. Надо же, ведь ты могла попасть на другую лодку, могли сбросить с парашютом. Нет, на тебе. Именно ты и именно ко мне. Фатум.

— Я тоже не предполагала и не знала, что все будет так. — Ирма достала сигарету и начала шарить в карманах, ища спички. — Для меня это тоже полнейшая неожиданность. Можно закурить?

— На подводной лодке, внутри ее, не курят, извини меня, никогда и никто, — командир взял у нее сигаре-

ту и положил на стол. — Ты знаешь, что Игорь Соболев погиб, таранил катером эсминец?

— Да, знаю: кто-то из наших сообщил мне еще в сорок первом.

— Из ваших? Это из каких же? — Ольштынский усмехнулся.

— Из тех, с кем я училась и работала, товарищей по разведшколе.

Командир встал и нервно заходил взад и вперед по каюте. Потом остановился и, заложив руки за спину, посмотрел девушке прямо в глаза.

— Почему у нас все так получилось? А? Я до сих пор ничего не могу понять. Ты принесла мне много горя, и вот уже четыре года я пытаюсь осмыслить — за что?

— Тогда так было нужно, — Ирма помедлила и закончила почти шепотом, — вернее, я думала, что так нужно. Сама не знаю. Все как во сне.

— Но зачем же? Для чего?

— Я училась на курсах радисток. Мечтала о фронте. Это было моим самым сокровенным желанием. И вот один тип, к сожалению, он был тогда у нас большим начальником, заявил, что если я выйду замуж, то буду немедленно отчислена. Многое я не понимала. Я любила тебя. Но мне казалось, иначе нельзя, связав с тобой жизнь, я принесу тебе только несчастье. Ведь началась война и мое место...

— Что ты знаешь о своем месте? — перебил ее Ольштынский.

— Подожди. Мне было очень тяжело. Впрочем, почему было? С годами я поняла, что сделала страшную глупость. Непоправимую.

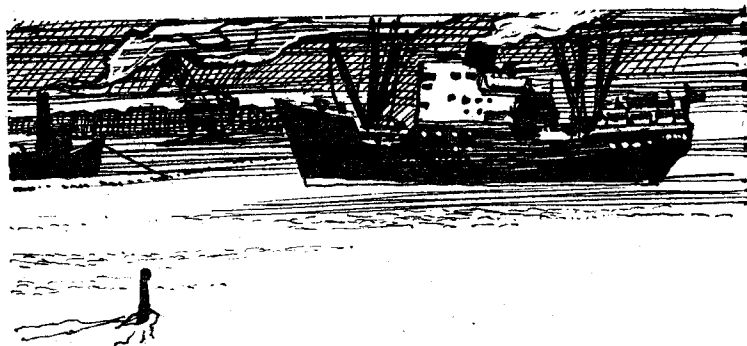
Девушка положила локти на стол и закрыла лицо руками.

— Вот и все, — повторила она.

Ольштынский почувствовал, словно с него свалилась

какая-то большая тяжесть, которая давила и терзала душу с самого появления девушки на корабле. Он смотрел на сидящую перед ним Ирму, на ее узкие плечи, прижатые к лицу ладони, закрытые короткими волнами темных волос. Вся она казалась такой маленькой, беззащитной, крупинкой в песчаной буре. Перед ним снова была она, женщина, которую он любил. Его малышка Ирка. Он любил ее, пожалуй, больше, чем раньше. Было такое чувство, будто он неожиданно узнал, что некогда погибший, исчезнувший, навсегда родной и очень близкий человек воскрес, нашелся вновь. Он подошел к ней, присел рядом, обнял за плечи. Девушка оторвала ладони от мокрого от слез лица, прижалась к моряку и притихла. Ольштынский нежно погладил ее по вздрагивающей голове.

— Ну вот ты и снова со мной. Не знаю только, надолго ли?..

ГЛАВА 4

НА БОРТУ «ГЕРМАНА ГЕРИНГА»

Двое суток «Щ-17» маневрировала в заданном оперативном районе. На карту было нанесено три позиции, периодически меняя их, лодка создавала впечатление, что на коммуникациях действуют по крайней мере три лодки.

Вчера под вечер в первом квадрате торпедировали танкер противника, правда, судно не относилось к разряду крупнотоннажных, но груз его — горючее — в блокированном порту был необходим как воздух. После атаки, оторвавшись от преследования катеров и сторожевиков, «Щ-17» перешла в квадрат номер три и вот уже около четырех часов, притаившись, ждала, когда на горизонте появятся дымки кораблей.

Время от времени, поднимая перископ, командир видел большой порт, через который осажденные гитлеровцы получали технику, продовольствие и горючее из Штеттина и Ростка. Вход на внешний рейд был плотно затянут противолодочными бонами. Возле них, попыхи-

вая дымом из длинной черной трубы, суетился маленький буксирчик. Город почти на две равные половины разделялся сравнительно широкой рекой, в устье которой он и был расположен. По обоим берегам виднелись шпили кирх, тонкие ажурные стрелы башенных кранов, белые и серые домики с островерхими красными черепичными крышами просвечивали сквозь зелень деревьев. Иногда лучи солнца пробивали редкие тучи, и тогда панорама всей гавани и города резко преображалась, линии обретали контрастность, серые тона как бы растворялись, уступая место более ярким и сочным. В такие минуты порт издали напоминал рождественскую цветную открытку, не хватало только какой-нибудь по-немецки сентиментальной надписи, исполненной золоченой готической вязью.

Экипаж лодки, кроме тех, кто непосредственно нес вахту у механизмов и приборов, отдыхал где придется. Кое-кто спал прямо на стальном настиле палубы, прикорнув к станинам двигателей или прижавшись к паутине разнокалиберных трубопроводов.

В лодке было душно, чувствовалось повышенное давление и нехватка кислорода. Каждый с нетерпением ждал ночи, когда можно всплыть и всласть надышаться свежим, прохладным воздухом.

— Товарищ командир, — раздался голос акустика, — справа девяносто слышу шум винтов крупного судна.

— Есть, — Олыштынский подошел к перископу и, взявшись за ручки, повернул его в сторону, которую указал акустик. В перекрестии он увидел медленно наплывавший силуэт большого транспорта. Два катера-охотника, очевидно считая свою миссию по охране судна оконченной, были уже у самого бонового ограждения.

— Боевая тревога, торпедная атака, — голос коман-

дира как невидимой рукой поднял матросов и быстро, без суеты расставил по боевым постам.

Между тем высокобортный транспорт, тысяч на пять водоизмещением, окрашенный в черный и шаровый цвета, развернулся и лег на входные створы, ведущие в порт. Пузатенький буксир стал неторопливо разводить боны. Судно находилось сейчас как раз между портом и подводной лодкой, полностью закрывая ее от своих катеров.

— Аппараты — товсьсь! Пли!

Лодку встряхнуло, и две торпеды с металлическим свистом скользнули навстречу обреченному транспорту. Промахнуться в таких условиях было почти невозможно.

— Полный вперед! — командир убрал перископ.

Лодка дернулась, но в ту же секунду глухой удар обрушился на ее корму, сильно задрожал корпус, слышался дробный стук металла о металл, и одновременно прямо по носу раздался оглушительный взрыв — торпеды попали в цель.

— Право на борт! Стоп оба.

Двигатели замолчали, вибрация и стук прекратились, но лодка, не слушаясь руля, продолжала по инерции быстро идти вперед, приближаясь к тонущему судну.

— Механик! В чем дело? — крикнул Ольштын-ский.

— Рули в винты заклинило. Выясняем причины, — донесся голос.

— Товарищ командир, глубина всего двадцать метров и быстро уменьшается, — доложил штурман.

Словно в подтверждение его слов, под круглым днищем сначала слабо, потом сильнее и сильнее, точно кто-то царапал его гигантскими когтями, заскрежетала галька.

Наконец лодка остановилась и, чуть-чуть накренившись на борт, замерла. Сверху, из-за толщи воды, доносился какой-то шум. Слева ухнуло несколько взрывов. «Щ-17» подбросило так, что люди еле устояли на ногах. На минуту погас свет.

— Товарищ командир, очевидно, бомбы бросает самолет. Слышу взрывы, а шума винтов сторожевиков нет, — доложил акустик. — До транспорта сорок метров, прямо по носу.

— Глубина у транспорта, штурман? — Олыштынский повернулся к замполиту. — Сходи, посмотри, что там у механиков, долго они копать собираются?

— Глубина по карте десять-двенадцать метров, не больше.

— Осмотреться в отсеках! — раздалась команда.

* * *

Торпеды угодили в носовую часть парохода. Судно, окруженное клубами пара и черного дыма, почти полностью ушло носом в воду. Над поверхностью возвышалась похожая на гигантскую краюху черного хлеба корма, на которой белой краской было написано «Герман Геринг», а несколько ниже порт приписки — Гамбург. Медленно вращались щербатые лопасти винтов. Сорванные с походных креплений грузовые стрелы, обрывая такелаж, раскачивались из стороны в сторону. Правый борт захлестывали волны, по наклонившейся палубе в воду летели какие-то ящики, бочки и обломки. Несколько человек пытались спустить шлюпки, но большинство из них было разбито взрывами, остальные, выброшенные из киль-блоков, свисали с высокого левого борта как огромные рыбины.

Из порта к транспорту торопились сторожевики и катера. Над местом аварии большими кругами летал самолет.

Командир и замполит собрали во втором отсеке весь личный состав. Моряки разместились вдоль бортов, на рундучках и подвесных койках — везде, где только можно было втиснуться, сесть или даже лечь. Ольштынский знал — от экипажа скрывать нечего, у всех, независимо от звания и должности, одинаковая судьба, а на подводном корабле даже от одного человека может зависеть многое, в том числе и жизнь всей команды. Поэтому и надо, чтобы каждый четко и ясно представлял, что его ждет, как ему действовать дальше, что требуется именно от него в данной конкретной обстановке.

— Товарищи, — Ольштынский встал и обвел взглядом замерших в напряжении моряков, — положение у нас, прямо скажем, не ахти. Лодка не имеет хода. Скорее всего глубинная бомба, брошенная наугад с самолета, повредила винты и рули. Механик пока затрудняется сказать, как велики повреждения, да и трудно это сделать, не осмотрев корпус снаружи, а возможности такой пока нет. Противник нас не обнаружил, иначе давно бы забросал бомбами и потопил. Дело в том, что порт стоит в устье реки, которая выносит в море массу ила, прозрачность почти нулевая — вода мутная, особенно сейчас, когда накануне все время шли дожди, — это и спасает нас от авиации. Охотники тоже не могут нащупать лодку, им мешает севший на грунт транспорт, который создает помехи акустикам. Мы соблюдаем полную тишину, следовательно, нам не грозят и шумопеленгаторы. Но у нас есть другой враг. Вы уже ощущаете его воздействие на себе. Это кислородное голодание, повышение влажности и давления. Учитывая то нервное состояние, в котором мы находимся, этот враг особенно коварен. И для победы над ним потребуется вся наша выдержка и сила воли. Поэтому задача номер один — экономия сил до тех пор, пока не стемнеет.

Кроме того, мы отдельная часть советского флота, у нас есть оружие и продовольствие и только один путь — драться, драться до последней капли крови, выполняя присягу и помня долг и традиции русских моряков. Как только немного затихнет там, — он поднял палец вверх, — всплывем и решим конкретно, что и как делать. Мы, к сожалению, не можем связаться со своим штабом, рация разбита, и восстановить ее нельзя. Да если бы мы ей и воспользовались, радиопеленгаторы тотчас засекали бы нас, а это равносильно гибели.

Наступила тишина. Казалось, каждый ушел в себя, оставшись один на один со своими мыслями.

Ольштынский ждал. Он как бы пытался войти в душу каждого матроса, поставить себя на его место. Осмыслить, о чем могли думать сейчас люди здесь, в стальной неподвижной коробке, отрезанные от всего мира десятиметровой толщей воды, за сотни миль от своих. Он знал: команда безгранично верит ему, командиру, надеется, что он найдет правильный выход из этого почти безнадежного положения. Сумеет ли он оправдать это доверие, хватит ли опыта, знаний и сил?..

— Кто желает что-либо сказать или предложить?

— Разрешите, товарищ капитан-лейтенант? — поднялся боцман и, вытерев ладонью выступивший на лбу пот, хрипловато произнес:

— Мы, можно сказать, как пехота на берегу, в окружении и даже хуже. А отсюда и схема, то есть или сдаваться, или прорываться. Первому нас не учили, значит, даешь прорыв. Так я говорю? А?

Моряки одобрительно загудели.

— Правильно, боцман! Правильно, о чем разговор!

— Прорываться, и никаких!

— Тише, тише. Помните надписи на телефонах, — боцман погрозил пальцем, — враг подслушивает. Так вот, я и говорю, разводить эти самые, как их, антимо-нии, не надо. И вообще, как говорил философ, раз мы

чем-то мыслим, значит, существуем, а поэтому действуйте, командир, как и положено. Так я говорю или нет?

— Так, так!

— Дуй до горы, боцман!

— Это по-нашему!

— Вот именно. У меня все, — боцман сел, с каким-то торжеством посмотрел вокруг и добавил, — и, это самое, не подведи, товарищ капитан-лейтенант.

— Других нет предложений? — Ольштынский повернулся к Долматову. — У тебя будет что-нибудь, комиссар?

— Нет, сказано и решено верно, — замполит встал, — только коммунистов после того, как все разойдутся, прошу остаться.

— Это почему же коммунистов? А остальные что, хуже?

— Мы здесь все партийные.

— Все советские.

— Говори всем, не обижай.

Матросы зашумели.

Долматов поднял руку.

— Друзья, у меня нет от вас никаких секретов, мы будем решать организационные вопросы, проведем закрытое партийное собрание, и обижаться здесь не на что, — он сел.

— Если все ясно, тогда по местам и помните — экономить силы, — командир расстегнул ворот кителя и провел ладонью по горлу, — как можно меньше движений.

Моряки, осторожно ступая, стараясь не шуметь, разошлись по своим постам.

* * *

Ольштынский, погруженный в свои думы, даже не услышал, когда в его маленькую каютку зашел зампо-

лит. Полулежа на узеньком жестком диванчике, прикрыв козырьком фуражки глаза, он почувствовал, как кто-то осторожно трогает его за плечо. Ему сначала показалось, что это Ирма, но когда он привстал, то увидел, что она сидит, прислонившись спиной к переборке, запрокинув назад голову, а прямо перед ним бледное лицо Долматова, присевшего на край дивана. Было заметно, что микроклимат, создавшийся в лодке, замполит переносит плохо. Глаза затуманены, словно их покрыла водянистая мутная пленка. У носа и на щеках резче проступили веснушки, на лбу капельки пота, сквозь полуоткрытый рот и плотно стиснутые зубы с тихим свистом прорывалось дыхание, губы высохли и потрескались.

— Что, Николай Николаевич, худо? — капитан-лейтенант сел, снял фуражку и пригладил рукой волосы.

— Да уж, во всяком случае, не как в Кисловодске, но пока терпим. Тут вот какое дело. Штурман, — Долматов кивнул головой на дверь, где в полумраке, упершись руками в косяк, стоял лейтенант, — проверил график освещенности и доложил: сейчас наверху уже темно. Может быть, пора всплывать? Я обошел отсеки, прямо скажу, трудно народу, ну да ты и сам знаешь.

— Всплывать, говоришь? — Олыштынский встал. — Добро, пойдем к акустикам, узнаем обстановку над нами.

Офицеры вышли в кают-компанию, где в углу справа с наушниками на голове сидел вахтенный старшина.

— Ну как там? Что делается на белом свете? — спросил капитан-лейтенант.

— Сейчас полный порядок, товарищ командир. Все тихо. Я здесь, — старшина показал на лежащий перед ним исчерченный какими-то знаками лист бумаги, —

веду учет, сколько судов подходило и уходило. По моим расчетам получается, что там сейчас пусто — все в порту. На транспорте тоже спокойно, не слышно никаких звуков, очевидно, работы прекратили до утра.

— А может быть, охотник оставили? Лежит в дрейфе, притаился и ждет, не вынырнем ли? А уж тогда нам размышлять не придется, мы сейчас как со связанными руками и ногами — вроде и сила есть, а толку мало.

— Катера абсолютно исключены. Видите, четыре подходило — у них шум винтов особый, ни с каким другим судном не спутаешь — и четыре ушло, уходили парами, последние покинули транспорт часа два назад. Если бы был там еще какой корабль, я бы различил плеск волны о борт. Точно говорю, никого нет, — обиженно протянул акустик.

— Тогда давай всплывать потихоньку.

Через несколько минут лодка плавно, точно ощупью, медленно пошла вверх. Кругом тишина, плотная, упругая. Еле-еле накрапывал дождь, капли падали мягко, неслышно. Прямо по носу в каких-нибудь двадцати-тридцати метрах сквозь серый мрак проступала темная громада севшего на грунт транспорта. Вся носовая часть по первую надстройку уходила глубоко в воду, и только полуют и округлая корма возвышались над поверхностью моря. В воздухе застыл резкий запах нефти, разлившейся из цистерн при попадании торпед.

— Вот такая ситуация. Ощущаешь? Прежде всего хорошо проветрить лодку, и всех людей наверх. — Командир поправил съехавшую на затылок фуражку. — Немного погодя отправим на судно пару толковых ребят, пусть все обстоятельно разнюхают и доложат. Только в темпе, времени, как всегда, в обрез.

Быстро вытащили и надули последнюю оставшуюся на «Щ-17» лодку. Старшина и матрос, захватив с собой

бросательный линь, один конец которого привязали к тумбе носового орудия, погребли к транспорту.

На мостике воцарилось молчание.

С лодки наблюдали, как моряки подошли к борту, зацепили за одну из стоек линь и, перемахнув через леер, исчезли в кормовой надстройке.

Медленно текло время. Командир посмотрел на часы, прошло только семь минут, а казалось, что не меньше получаса.

— И чего они там чикаются? — Ольштынский нетерпеливо передернул плечами и посмотрел на замполита.

— Ты же сам сказал: разведать обстоятельно, вот люди и стараются, и нечего на них шипеть, мне тоже не терпится все узнать, но вот жду.

На борту судна показался старшина и прыгнул в лодку. Перебирая руками конец, он погнал ее к «Щ-17».

На транспорте, груженном оружием и продовольствием, никого не было. Из груза сохранилось только то, что размещалось наверху. Трюмы, машинное и котельное отделения затоплены полностью.

После короткого совещания решили завести на судно трос. Укрепить его на чугунные кнехты и подтянуть лодку под кормовой обвес. Споро, действуя без шума и суеты, приступили к работе.

Когда лодка подошла вплотную к транспорту, ее прочно закрепили швартовыми. Большинство команды столпилось на палубе. Командир и замполит перелезли по шторм-трапу и остановились у трюмного люка. Палуба транспорта круто уходила вниз и вправо. Очевидно, река вымыла в устье яму, куда и опустился, врезавшись в песок, нос поврежденного парохода. По карте до берега было мили полторы-две, но сквозь сетку мелкого дождя очертания его даже не угадывались, не проступали низкой и длинной темноватой полосой, как это бывает обычно ночью, когда подходишь с моря.

На транспорт поднялся механик и, скользя по измазанной горючим палубе, направился к командиру.

— Сейчас осмотрели винты и рули, — начал он, — дрянь дело, хуже не придумаешь. Своими силами отремонтировать нельзя. По базовым понятиям нужен док, и минимум на месяц. Лодка без хода. Может только перемещаться по вертикали.

— И абсолютно ничего нельзя предпринять? Хоть как-нибудь, через невозможно?

— Нет. Это только в рассказах из ничего делают что-то, а здесь проза жизни. Лопасти винтов срезало как бритвой, одни ступицы остались. Рули заклинило, валы погнуты. Я еще удивляюсь, как обшивка уцелела и выдержали уплотнения, по всем существующим нормам, седьмой отсек должен быть затоплен. Будем считать, что нам крупно повезло.

— Да-а. Действительно, повезло, так и тянет в гроб от такого везенья, положение хуже губернаторского, и до берега не добраться — всего одна надувная лодка на трех человек.

— Товарищ командир, — раздался голос акустика, — со стороны порта кто-то идет. Судно небольшое, скорее всего буксир. Приближается медленно.

— А ну живо, лишних вниз, и приготовиться к срочному погружению. — Командир взял у сигнальщика сильный ночной бинокль и, приложив его к глазам, стал всматриваться туда, где, по словам акустика, он слышал шум винтов.

— И правда, кто-то движется, не иначе. Искры вылетают из трубы, — он опустил бинокль. — Быстро! Пять человек с автоматами ко мне. Живее. Комиссар? Иди-ка вниз и погружайся, а мы спрячемся на корме в рубке, затаимся и на месте разберемся что и как — все равно терять нечего. Услышишь стрельбу, всплывай на помощь. Лейтенант, отберите пять человек с оружием. Только быстрее, времени мало.

— Леонид Сергеевич, давай наоборот сделаем. Где большинство, там и командир, а я здесь останусь со штурманом, ладно?

— Логично, замполит, действуй, но прошу тебя быть поосторожнее, не вылезай без надобности. Если все обойдется, постучишь по борту судна, мы услышим и всплывем. Если нужна подмога, гранату брось в воду.

* * *

Семь человек, предварительно отдав лодке швартовы, забрались в кормовую надстройку, которая скорее всего была кладовой шкиперского имущества. В темном помещении терпко пахло краской, смолеными канатами, там и сям в беспорядке валялись бухты троса, тюки ветоши, бидоны и банки, в углу грудой лежали пробковые спасательные нагрудники.

Лодка медленно, почти беззвучно, если не считать легкого бульканья пузырьков воздуха, исчезла с поверхности, словно растворилась в темной маслянистой воде.

Через запыленное стекло иллюминатора кладовой сидящим в засаде морякам было видно, как к накренившемуся транспорту подошел портовый буксир. За его кормой забурлила вода — гася инерцию, дали задний ход. Затем буксир осторожно приткнулся к кормовому обвесу, зашипел паром и замер. Какой-то человек, легко перемахнув через леер, спрыгнул на судно и закрепил швартов. Затем еще один, более плотный и высокий, тяжело перевалившись через фальшборт, вылез на палубу, огляделся и, косолапо расставляя ноги, направился прямо к двери надстройки, где прятались моряки. Не доходя метра три, он остановился, обернулся назад и что-то крикнул.

Сидевшие в кладовке замерли. Долматов в темноте нащупал плечо штурмана, притянул к себе и сказал на ухо:

— Если войдет, сразу бросаться и так, чтобы не пикнул. Не дать опомниться. Схватить и втянуть сюда. Понял?

— Понял, товарищ старший лейтенант. Понял. — Штурман ближе придвинулся к полуоткрытой двери и о чем-то быстро зашептал стоящим по обе ее стороны матросам с автоматами наготове. Моряки немного отступили от входа и прижались к стенам.

Человек на палубе, не дождавшись ответа, махнул рукой, повернулся и не спеша пошел к двери. У самого входа он на секунду замешкался, споткнувшись о комингс, затем, тяжело сопя, протиснулся внутрь.

Сейчас же несколько пар рук крепко схватили его. Горло словно сдавил стальной обруч. В одно мгновение в рот запихнули кусок ветоши, втащили в кладовку, бросили на пол. Долматов включил карманный фонарик и, прикрывая ладонью луч, направил его на распластавшегося на палубе человека. Луч осветил круглое, окаймленное седой короткой и курчавой бородкой лицо, на котором выделялись выпученные светло-голубые глаза. Щеки и лоб были мокры от пота, широко раздувались ноздри короткого, немного курносого носа. Морская фуражка слетела с головы во время схватки, обнажив почти совсем лысую голову.

— Освободите ему рот. Да будьте наготове. Пикнет — сразу прикладом по черепу, — старший лейтенант нагнулся к самому лицу лежащего моряка. — Кто вы такой и сколько человек на буксире? Да смотрите без шума — успокоим сразу и навсегда.

Человек облизал языком губы и с акцентом произнес:

— Боцман я, латыш. На буксире девять человек.

— Немцы есть?

— Два эссовца. У шкипера сидят в салоне.

— Зачем пришли и кто вас сюда прислал?

— Приказ портовых властей — охрану организо-

вать и выставить огни. Транспорт затоплен на входном фарватере, на днях ожидается выход из порта нескольких судов — он мешает. — Человек зашевелился и попробовал приподняться.

— Лежи. Лежи. Спокойно. И ни звука — шутить мы не любим. Надеюсь, понял, кто мы? — замполит рукой повернул к себе голову человека. — Понял, спрашиваю, кто мы?

— По форме наши, только очень странно, откуда вы взялись? — просипел человек.

— Ну это еще как сказать, ваши или нет, а откуда взялись — не суть важно. Кто тот второй, который сошел с тобой, маленький, худощавый?

— Матрос, тоже латыш. Свой парень, мой племянник, надежный человек.

— Посмотрим. А сейчас позови-ка его сюда, да предупреждаю, без фокусов — нам все равно терять нечего.

— Сейчас, сейчас. Все будет в порядке. Но не убивайте его, умоляю вас. Я же говорю — свой парень, совсем мальчишка, сын моей сестры, почти сирота. Сестра умерла, а муж на фронте — давно никаких известий.

— Ладно, зови, там видно будет.

Боцмана приподняли и подтащили к двери.

— Юрген! — крикнул он. — Юрген, иди-ка сюда!

— Сейчас. Я тут в каких-то тросах запутался, да и скользко, как на льду.

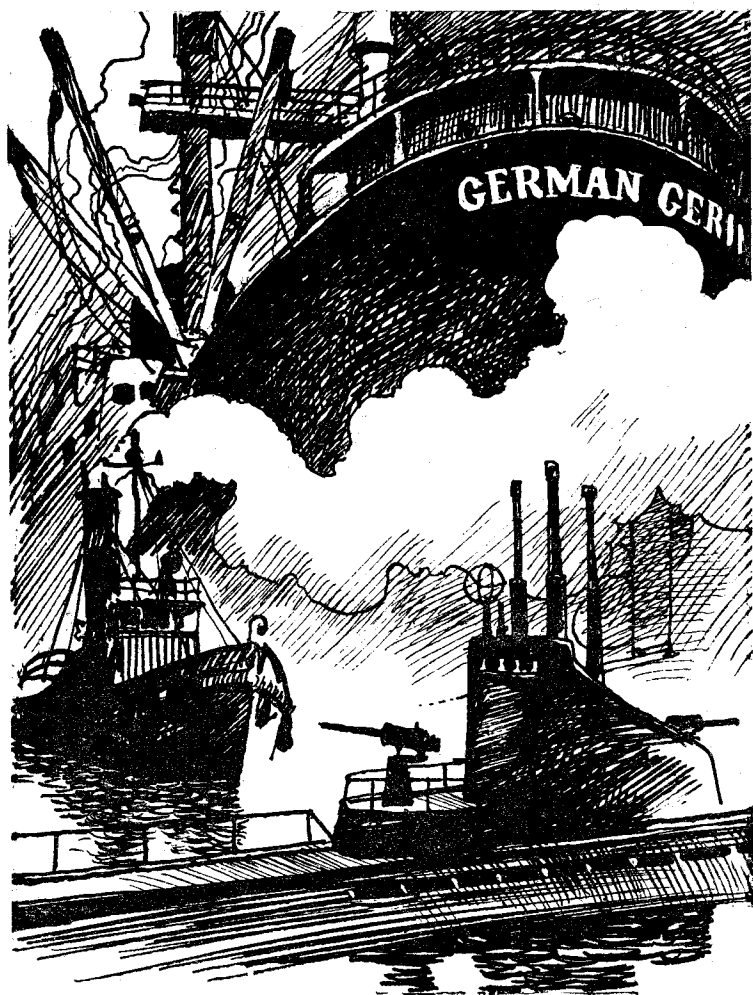
У борта раздалась возня. Послышалось какое-то восклицание, очевидно, ругательство, и к кладовой из темноты шагнула маленькая фигурка.

— Где вы тут, дядя Ян?

— Иди сюда, я здесь, в шкиперской.

— Иду, — матрос шагнул в кладовку.

И опять несколько человек набросились на него и прижали к палубе.

Долматов зажег фонарик. У лежащего было молодое бледное лицо с тонким носом. Он еще не пришел в себя и скорее всего был не так испуган, как удивлен тем, что произошло.

— Тихо, милый, мы советские моряки. Крикнешь — не поздоровится.

— Вы советские, наши? — Губы матроса задержались.

— Ваши, ваши, но лежать спокойно. Сколько человек на буксире? — Замполит перевел взгляд на боцмана и приложил палец к губам: а ты молчи.

— Семь.

— Ого, — старший лейтенант повернулся к боцману, — вы уверяли, что девять?

— Да, да. Девять на самом деле.

— С нами девять. Там два немца из СС. У капитана сидят в каюте, шнапс жрут.

— Вот это уже вроде вернее.

— Верно, все верно. Дядя сказал правду, а я просто нас не считал, мы же не на буксире.

— Не врем мы, поверьте, — хрипло произнес боцман. — Капитан, два немца, трое в машине и еще рулевой.

— Что за человек капитан?

— Сволочь, каких мало. Прихвостень гитлеровский из прибалтийских немцев, но жил здесь еще до войны. При Советской власти даже в мореходку поступил. Когда пришли фашисты, в первый же день свастику нацепил, негодяй.

— А остальные? Тоже такие же?

— Да как вам сказать. Рулевой хороший человек, за него ручаюсь, а машинистов прислали недавно, два дня назад, мы их совсем не знаем. Механик дрянь, под стать шкиперу, если не хуже — брат у него в полиции начальником. Да и сам мразь.

— Добро, — Долматов высунулся в дверь и огля-

делся. Кругом было тихо. Казалось, посветлело, правда; это могло быть оттого, что перестал дождь.

— Ну-ка, ребята, одного связать, племянника. Дядя пойдет с нами. Но смотри, боцман, видишь, мы люди суровые — с огнем играешь. У нас это не заржавеет. Одного нашего оставим здесь. Остальные за мной. Веди нас. Сначала к рулевому, а потом к капитану. Все тебе ясно?

— Все. Только рулевой, наверное, в кубрик спустился, что ему сейчас в рубке делать, ведь стоять должны до утра, а то и дольше, пока всю работу не переделаем. Лучше к шкиперу сразу.

— Веди к нему. Пошли, ребята. Да тихо вы, ишь обрадовались.

Впереди, поддерживаемый с двух сторон моряками, шел боцман, за ним замполит и штурман, замыкали шествие два автоматчика. Без шума перебрались через леерное ограждение и соскочили на рифленую палубу буксира.

— Сюда теперь, направо, — боцман указал на маленькую овальную дверь в надстройке. — Там тамбур и сразу каюта, прямо против двери стол и диван, дверь открывается на себя. Немцы сильно вооружены.

Долматов и штурман, держа пистолеты наготове, протиснулись в узкий коридорчик, еле-еле освещенный синей лампочкой, и остановились у небольшой двери, из-за которой глухо доносились голоса. Говорили по-немецки. Неожиданно кто-то громко засмеялся.

Старший лейтенант взялся за ручку и резко распахнул дверь:

— Хенде хох! — крикнул он и быстро прыгнул вперед, давая возможность войти остальным.

В просторной каюте, залитой ярким светом, льющим-ся сквозь укрепленный на потолке большой матовый плафон, за столом, уставленным разнокалиберными бутылками и тарелками с закуской, сидели трое: два немца в

распахнутых на груди мундирах и человек в белой рубашке с черным галстуком. В воздухе слоями плавал синий табачный дым, пахло шнапсом и дешевыми сигаретами. Справа на небольшом столике лежали два «шмайсера» и две стальные каски с белыми «молниями» сбоку.

Долматов, не спуская глаз с оцепеневших от неожиданности, поднявших вверх руки собутыльников, не давая им опомниться, прошел к столу и загородил собой немецкие автоматы. Слева от него встал штурман. Следом в каюту ввалились матросы и боцман.

— Связать их, да покрепче, и пусть боцман покажет какой-нибудь закуток, где этих гадов можно запереть. А вы, штурман, вызывайте лодку наверх. — Долматов вплотную подошел к капитану и стволом пистолета снизу под подбородок поднял его голову. — Ты в глаза мне посмотри, мразь продажная, да вспомни перед смертью, сколько из-за тебя, подлеца, людей замучено да расстреляно. Шлепнул бы прямо сейчас, ну да твое от тебя, гада, не уйдет. Убрать их.

Через несколько минут лодка всплыла, и все офицеры собрались в каюте капитана буксира, чтобы обсудить, как быть дальше. Неожиданно с берега сначала тихо, потом громче и громче донесся какой-то грохот, затем раздалось несколько взрывов, беспорядочно затаивали, захлебываясь, зенитки, и в небе стали лопаться разрывы снарядов.

— Что там происходит? — спросил командир у стоящего в дверях боцмана.

— Воздушный налет. Сейчас почти каждую ночь прилетают наши самолеты и бомбят вокзал, склады, казармы. Иногда это длится до самого утра, но чаще всего часа два.

Офицеры вышли на мостик. В той стороне, где находился порт, разгоралось малиновое зарево пожара. Раз-

ноцветные трассы прочерчивали небо. В вышине висело несколько осветительных бомб — «свечек».

— Вы взгляните чуть-чуть левее. У немцев там большое нефтехранилище на самом краю левого пирса, но баки хорошо замаскированы — они в стороне от причалов, и, как видите, там спокойно, бомбы не падают, — сказал боцман.

— Четыре дня назад разгрузились два танкера, и цистерны полны под завязку.

Командир посмотрел туда, куда указывал боцман, и задумался. «А что, если... Может получиться очень здорово. Лодка развернута носом к берегу. Большинство людей пересадить на захваченный буксир, оставив на «Щ-17» только тех, кто необходим. Затем ударить из носовых аппаратов по нефтескладу на пирсе. Он у самого уреза воды, и достать его труда не представляет. Взрывы торпед среди общего переполоха примут за удары авиабомб. После чего лодку затопить, на буксире уйти подальше, высадиться на берег и прорваться к Риге. Другого такого шанса больше не будет».

— Ну-ка, друзья офицеры, прошу быстренько в каюту: есть идея.

Командир коротко изложил свой план. Лица сидящих за столом оживились. Раздались возгласы одобрения. Действовать решили немедленно. Уточнив отдельные детали, разошлись готовиться к предстоящей операции.

Из центрального поста командир передавал распоряжения по наводке лодки на пирс. Тем временем экипаж вытащил и разбил находящиеся на транспорте ящики с автоматами, перенес продовольствие и перешел на буксир. Наконец все было готово. Еще раз уточнив место нефтескладов, командир дал команду. Одна за другой две торпеды со свистом понеслись к берегу. Мгновенье спустя вдали поднялись к небу один за другим огромные сполохи взрывов, вверх взметнулись языки пламе-

ни; которые слились в одно сплошное зарево. Стало так светло, что можно было даже различить отдельные строения порта.

Моряки, производившие залп, открыли кингстоны затопления и покинули лодку. Через несколько минут она исчезла под водой — на поверхности забулькали пузырьки воздуха, выходящего через люк центрального поста.

Весь экипаж, выстроившись вдоль борта, замер, прощаясь со своим боевым другом — кораблем.

Начиналась полоса новых испытаний. Как она пройдет, никому не было известно. Кто из стоящих сейчас в горестном молчании вернется сюда снова и будет присутствовать при подъеме «Щ-17», кто встретит второе рождение лодки? Что это произойдет — ни у кого не было сомнения.

Буксир, посапывая паром, тихо отошел от транспорта. Удалившись мили на три в море, он повернул и направился вдоль берега.

ГЛАВА 5

МОНАСТЫРЬ «ЭЛЬЗЕЛОТ»

Ольштынский стоял в ходовой рубке буксира, пристально вглядываясь туда, где сквозь редкий туман серой и пока еще расплывчатой полосой начинал проступать берег. Кроме командира, там были рулевой, штурман, боцман Ян; у самой двери, прислонившись спиной к настенному шкафчику, на ящике с консервами, закрыв глаза, сидел Долматов.

Светало. Плотные низкие облака до самого горизонта затягивали небо. Море было спокойно, еле-еле тянувший с суши ветерок не поднимал даже мелкой ряби.

— А не пора ли прижиться к берегу? — командир оторвался от окна и повернул голову к штурману.

— Вполне можно, товарищ капитан-лейтенант, — штурман легонько тронул матроса за локоть, — десять градусов вправо по компасу и так держи.

— Если еще пройдем мили две, будет небольшой,

но глубокий залив, — боцман рукой показал направо, в сторону берега. — Дальше начнутся песчаные косы и дюны. Лес подходит к самому морю. Когда-то вместе с отцом в этих местах мы рыбачили и собирали янтарь. За лесом идут болота и множество озер. Я долго жил здесь и знаю буквально каждое дерево и тропинку. Лучшего места для высадки не найдешь на всем побережье. Глухомань. Сюда обычно немцы не суются, тем более и дорог-то почти нет, да и хуторов поблизости раз-два и обчелся.

— Добро, становитесь к рулю и ведите прямо туда, а ты, Николай Николаевич, проследи, пожалуйста, чтобы люди приготовились к высадке, скоро начнем.

Долматов открыл глаза, встал, потянулся и, глубоко вздохнув, вышел на палубу.

Дождь перестал, но чем ближе подходили к берегу, тем плотнее и темнее становились тучи. Буксир повернул и вошел в маленький, окаймленный густым сосняком заливчик. Деревья почти вплотную подступали к бортам. Застопорили ход, развернулись и по инерции приткнулись носом к желтому песчаному откосу. С бака сбросили сходни и начали выгрузку, перетаскивая снаряжение вверх по склону и складывая в буйно разросшемся кустарнике.

Когда все было закончено, командир собрал офицеров.

— Что будем делать с теми? — он кивнул головой в сторону буксира. — Не с собой же тащить? У кого и какое мнение на этот счет?

— Я думаю, — Долматов посмотрел на боцмана Яна, — если вы полностью ручаетесь за своих ребят, возьмем их с собой, но на вашу ответственность. Фашистам же и капитану пощады не будет.

— Я могу целиком поручиться только за себя, племянника и рулевого. Шкипер — последняя скотина, на которого и пули-то жалко, механик тоже, об остальных

мне ничего не известно, знаю, что они не местные, при-
были недавно, держались особняком.

— Верно, боцман, — медленно произнес Долма-
тов, — не местные и даже вообще не латыши. Я допро-
сил капитана, и тот, очевидно, надеясь на какое-то снис-
хождение, сказал, что их прислали вроде как на прак-
тику, приглядеться, поднатаскаться да и заменить вас
троих. И направлены они к вам по личному распоря-
жению шефа гестапо Вайса. Так-то, друзья.

— А куда же собирались деть нас? — боцман удив-
ленно поднял брови.

— Ликвидировать. Я думаю митинговать по этому
поводу больше не будем.

— Лейтенант? — замполит повернулся к штурма-
ну. — Все поняли?

— Все, но только почему я?

— Вопрос праздный. Возьмите ребят и действуйте.
Буксир отведите где поглубже и затопите. Сами верне-
тесь на ялик, его потом забросаете камнями и тоже
утопите. Ясно?

— Так точно, ясно. Можно выполнять?

— Действуйте!

Офицер с тремя матросами побежал к сходне.
Вскоре буксир отвалил от берега, неуклюже развернул-
ся и пошел в море...

* * *

На небольшой, со всех сторон закрытой густой кро-
ной деревьев полянке, метрах в пятидесяти от места вы-
садки, собрался весь отряд. Моряки, увешанные ору-
жием, разместились вокруг командира и замполита.
Ольштынский поднялся и, помолчав немного, словно со-
бираясь с мыслями, сказал:

— Товарищи, теперь попали мы, прямо скажем, в не
совсем обычную, вернее, в совсем необычную для моря-

ков-подводников ситуацию, то есть обстановка изменилась самым коренным образом. Задание свое мы выполнили с лихвой, потопили танкер, большой транспорт, разрушили и сожгли склады горючего. Мы часть нашей армии, находимся на нашей земле, и долг наш биться на ней с врагом, пока руки держат оружие. Уж простите, если звучит несколько высокопарно. Будем пробиваться к своим. Вот наша задача и боевой приказ.

Моряки молчали. Затем раздались сначала отдельные возгласы. Потом, словно прорвало плотину, все заговорили разом:

— Только так, товарищ командир, все ясно, чего тут рассуждать.

— Драться будем, в партизаны пойдем!

— Не впервой морякам и на сухопутье. Под Ленинградом в сорок первом еще как сражались.

— Мы им и на берегу пропишем, гадам!

Командир поднял руку. Разом наступила тишина.

— Офицерам проверить снаряжение и в первую очередь, раз мы становимся морской пехотой, обувь, а через, — он отодвинул рукав и посмотрел на часы, — десять минут тронемся. На переходе соблюдать скрытность и строгий порядок. Надо отойти от берега подальше, а там заберемся в глубинку и наметим точный и окончательный маршрут. Впереди иду я, замыкает колонну заместитель по политической части старший лейтенант Долматов.

Несколько минут спустя небольшой отряд, растянувшись цепочкой, ходко тронулся в путь и вскоре исчез в густом подлеске.

* * *

Шли уже более двух часов. Миновали ельник, переправились через затянутое зеленой ряской болото, пересекли грунтовую дорогу и, углубившись в лес километ-

ров на пять, остановились на привал. Было решено, пообедав и отдохнув, начать движение с наступлением темноты. Зажигать костры категорически запрещалось. Сейчас, выставив ближнее и дальнее охранение, моряки расположились в глубоком овраге, поросшем по краям непролазными зарослями бузины, усыпанной красными каплями ягод, и уже начинающего желтеть орешника. Размытый дождями склон оврага с глинистыми обнажениями и нависшими длинными, извивающимися, как коричневые змеи, тонкими корнями деревьев образовывал правильный полукруг. Вот здесь, в самой низине, на песчаном и почти плоском, в пучках ярко-зеленой осоки берегу небольшого ручья, группками расселись матросы, разложив немудреные припасы.

Ирма сидела в сторонке, в том месте, где крутые склоны оврага сходились особенно близко, на поваленной через ручей сосне, у самого ее комля, опершись спиной на корявые, с остатками земли и дерна корни. Она обхватила руками колени и задумчиво смотрела в мутную воду, кое-где покрытую клочками грязно-коричневой пены. Чемоданчик и рюкзак лежали рядом. Ирма подняла голову, заправила сзади волосы под берет, легко соскользнула с чешуйчатого, как чеканная медь, ствола и направилась к сидящему под склоном на куче мягкого можжевельового лапника Олыштынскому. Услышав скрип гравия под ее ногами, командир поднял голову от лежащего у него на коленях листа бумаги, на котором боцман начертил план окрестности, и, улыбнувшись, вопросительно посмотрел на нее.

— Мне нужно поговорить с тобой по очень важному делу, — сказала она, — желательно без всяких свидетелей.

— Поблизости никого нет, говори, — он подвинулся и указал ей место рядом с собой. — Садись.

Ирма села, подтянула к груди колени и обхватила их руками.

— Мне нужно идти в Кайпилс, — тихо сказала она.
— Что, что? В Кайпилс? Это еще зачем? — Ольштынский резко повернулся к ней.

— Так нужно. Я не хотела говорить тебе раньше, но дело в том, что вступает в силу второй запасной вариант. Если по каким-либо причинам я окажусь на берегу, я обязана выполнить другое задание. Как видишь, я оказалась на берегу, а следовательно, приступаю к выполнению второго варианта. Это очень важно, ты извини, что я не все говорю.

— Я понимаю, но ведь там, где мы должны были тебя высадить, произошло что-то очень серьезное. Нас ждала прекрасно организованная засада, и только случайность, если назвать случайностью то, что мы отправили вперед разведку, спасла лодку и тебя тоже от неминуемой гибели, значит, выражаясь вашим языком, явки провалены, и ты лезешь прямо в пасть зверю.

— Задание, о котором сейчас идет речь, не связано с первым. — Она подняла голову и как-то виновато посмотрела прямо в глаза Ольштынскому. — Если быть более точным, почти не связано. Мне необходимо быть там. У меня очень надежная рация, кстати, почему ты не воспользовался ею, чтобы передать своему начальству обо всех событиях?

— В этом не было никакого смысла. Помочь нам они бы не смогли, а, выходя в эфир, мы бы дали свои точные координаты гитлеровским ищейкам, надо прямо сказать — служба радиоперехвата у них отработана четко.

— А мне придется передавать несмотря ни на что — нашему командованию срочно нужны самые последние данные об оборонительных рубежах вокруг Риги и транспортных возможностях блокированных группировок. Я должна идти, Леня, тем более та дорога, которую мы пересекли, как раз ведет в Кайпилс. Я хочу попросить тебя: разреши боцману Яну проводить меня

хотя бы немного, до шоссе, как идти дальше, я знаю. И... у меня очень мало времени. Распорядись, пожалуйста.

— Хорошо, раз это необходимо, иди. Правда, — Ольштынский немного помолчал, — я думал, что для тебя, так и не начавшись, кончились хождения по тылам в одиночку, и, скажу откровенно, мне очень хотелось поговорить с тобой о нас обоих, и не так казенно, как сейчас.

— Не надо, родной. Мне необходимо идти. Если все кончится благополучно и я вернусь, я разыщу тебя и сама скажу много хорошего; если же нет, то зачем брать какие-то обязательства. И прошу — забудь навсегда то, что когда-то было там, в Ленинграде. Я была не права, война и любовь вполне совместимы. Мне же было всего девятнадцать, я видела все, как в угаре, в каком-то мареве, словно меня оглушили. Теперь, мне кажется, я проснулась или просыпаюсь, но, как видишь, поздновато.

— А может быть, ты еще раз все взвесишь и подумаешь, может быть, не стоит идти, ведь...

— И это говоришь ты? — перебила его девушка. — Надо. Необходимо. Меня там очень ждут. Прощай.

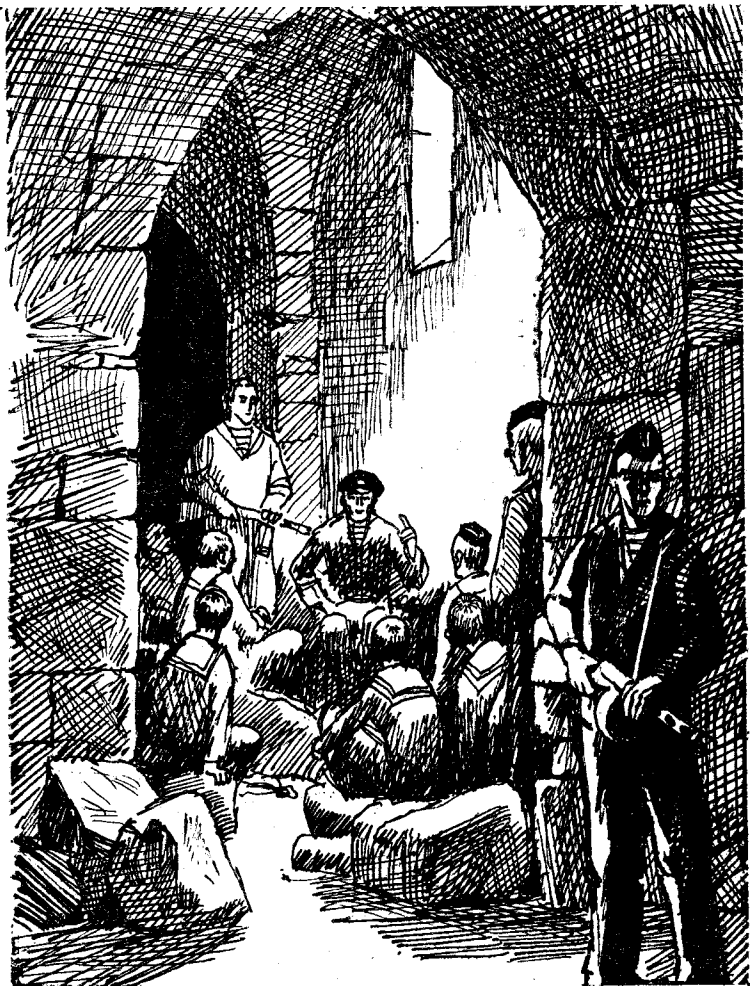
Ирма встала, закинула руки за шею Ольштынскому, притянула его голову к себе и, приподнявшись на носки, крепко поцеловала в губы.

— Прощай, Леня. Не поминай лихом.

— В добрый путь. Помни, я надеюсь и жду. Подожди. Сейчас я поговорю с боцманом Яном, он тебя проведит. Посиди пока здесь, я быстро.

Спустя несколько минут, командир вернулся вместе с боцманом. Они подошли и присели около радистки.

— Ты понимаешь, у меня возникла интересная идея. Допустим; ты явишься, куда тебе нужно, но там произойдет какая-то накладка, ну я не знаю. И мне думается, в этом случае надо несколько подстраховаться. Ина-

че ты окажешься в весьма тяжелом положении одна, без связей, и, извини, без опыта, и даже без крыши над головой. Нам все равно надо где-то отсидеться день-два — пусть все немного утихнет, да и мы лучше акклиматизируемся в новых условиях, разберемся в обстановке, проведем разведку в этом районе. Ты же сейчас отпавишься по своим делам. Сегодня понедельник, времени тебе хватит с избытком. Затем ты приходишь, скажем, во вторник, завтра, в определенное место недалеко от города, куда — договоримся с Яном. Ну а дальше идешь вместе с нами или остаешься там. Ну как?

— Заманчиво, но я все-таки надеюсь, что там, куда я иду, ничего непредвиденного не произойдет.

— Я тоже надеюсь на это, но, по-моему, иметь еще один шанс в запасе неплохо.

— Хорошо. Согласна. Где и когда мы встретимся? — Ирма поднялась и отряхнула юбку от налипших песчинок.

— Я советовался с Яном, он предлагает развилку у самой дороги. Помнишь, в том месте, где мы ее пересекали, лес подходит вплотную, да и до Кайпилса рукой подать. Значит, мы, вернее, боцман придет тебя встречать. Весь отряд будет находиться в развалинах монастыря «Эльзелот» — это оттуда километров десять. Договорились? Да, боцман, как только ее проведете — немедленно назад.

— Пойдемте, Ян.

— Вы знаете, я бы с удовольствием дал вам свой адрес в городе. — Боцман положил руку на плечо радистки. — Но это, мне кажется, очень опасно — после исчезновения буксира за всеми нашими родными и близкими следят, если их уже не арестовали. Боюсь вас подвести — уж больно серьезное дело.

— Спасибо, Ян, но это излишне, я обойдусь. Прощай, Леня!

Сверху по склону буквально съехал стоя Долматов.

— Что здесь за морской кружок? Куда это вы собрались?

— Ирма уходит, я тебе потом объясню — не надо вопросов. Прощайся, ей пора.

— Ничего не понимаю, — замполит удивленно развел руками. — Куда уходит? Зачем?

— Все объясню. Все. А сейчас ей надо торопиться. Прощайся.

Ирма подала Долматову руку и направилась к поваленной через ручей сосне. Подойдя к ней, она подхватила с земли рюкзак, боцман взял чемоданчик, и они побрели вверх по ручью по тому самому пути, по которому пришел сюда отряд. Прежде чем скрыться за кустами, Ирма остановилась, медленно повернула голову и пристально, словно стараясь запомнить надолго, посмотрела на Ольштынского...

* * *

К вечеру моряки подошли к большому озеру, окруженному со всех сторон дремучим лесом. Собственно, трудно было определить, где начиналось само озеро и кончался берег. Топкое болото, сплошная стена подсохшего камыша, густое переплетение тальника и нависшие над водой ветви ив делали почти невозможным подход к кромке берега.

Одному ему известным проходом, по каким-то абсолютно незаметным признакам, когда временами приходилось продирается через завалы коряг, путаницу корней и трясину, боцман вывел отряд к крошечной, покрытой кувшинками бухточке с крепким песчаным дном.

Глазам моряков открылась сказочно прекрасная панорама. В центре озера был островок. Из окаймлявших

его густых зарослей выглядывали то ли нагромождения гранитных валунов, то ли руины древнего замка.

— «Эльзелот», — боцман указал рукой на остров, — а вот отсюда начинается проложенная под водой каменная дорога-брод, глубина небольшая — ровно метр. Если идти, удерживая в створе выступающий у берега черный остроконечный камень с верхней частью развалины восточной башни, видите, там между двумя сухопарыми соснами, то мы прямехонько попадем на остров. Путь этот построен сотни лет назад, и он единственный. Идти надо очень внимательно и осторожно — ширина подводного моста три метра, чтобы могла проехать подвода. Слева и справа — пяти-семиметровый обрыв. Я пойду вперед и над головой буду держать палку, все остальные следуйте, никуда не сворачивая, точно за мной.

Переправившись на остров, моряки забрались в развалины, где среди обломков скал, обросших густым мхом, находился сравнительно просторный с низким сводчатым потолком равелин.

Выставив посты, поужинали и устроились на ночлег.

Офицеры расположились между двумя колоннами правильной квадратной формы, вытесанными из гранита, в овальной нише с узким и длинным, как бойница, окном у самого потолка.

— Так, значит, это и есть знаменитый монастырь «Эльзелот»? — спросил замполит боцмана Яна.

— Да. Это «Эльзелот». Старинный монастырь, поговаривают, что ему более тысячи лет, — боцман набил трубку и закурил. — Никто не помнит, когда он разрушен, легенды все разноречивы, трудно сказать, кому верить.

— Почему же, — Долматов приподнялся на локте, — есть весьма определенная и очень красивая легенда.

— Ты-то откуда знаешь, тоже бывал в этих местах? — Олыштынский с удивлением посмотрел на замполита.

— Нет, не бывал. Но я и в аду не бывал, а прочитал Данте и вроде бы в курсе творящихся там беспорядков.

— Интересно. Может, расскажешь, сочетая, так сказать, полезное с приятным, потом поставишь себе в план политработы галочку: провел, дескать, общеобразовательную лекцию по истории родного края, и не просто где-нибудь, а маскируясь в складках местности, в условиях, полностью приближенных к боевым, — командир засмеялся.

— И в малую видимость, — добавил штурман, — вечер уже.

— Да, с какими прозаическими личностями мне приходится служить. Кругом седаая древность. Камни, которые слышали звуки лютни и стоны людей на дыбах; волны, в которых ранним солнечным утром купались венероподобные девы. А тут ржут. Цитируют боевой устав. Село.

— Расскажи все-таки, не ломайся, — командир достал папиросы и, открыв пачку, протянул офицерам, — закуривайте, пока можно. Да давайте ближе, комиссар лекцию прочтет.

К группе офицеров со всех сторон потянулись моряки.

— Ладно уж, так и быть, а то отойдете в мир иной серыми, встретит вас там преподобный апостол Петр, сраму не оберешься, если спросит, кто же это воспитал вас. Так вот, «Эльзелот» — само название происходит от двух имен — Эльзы и Лотты, и легенда эта действительно прекрасна, хотя трагична и по-немецки сентиментальна.

Было это более трехсот лет назад, так что насчет тысячи боцман. Ян явно прибавил. Злого умысла, конечно, здесь нет, сделано это, так сказать, в порядке местного патриотизма. В одном из замков серого баро-

на Шпильберга поутру у подъемного моста обнаружили двух малюток девочек, завернутых в голубые с серебряными звездами бархатные плащи, на одном из которых золотом было вышито «Эльза», а на другом «Лотта». Долго ломали себе головы обыватели, теряясь в догадках, что бы это значило, и как, к сожалению, случается до сих пор, если люди сталкиваются с таинственным явлением, решили, что это знак от бога. Подкидышей взяли в замок, где вспоили и вскормили. Не прошло и двух десятков лет, как на небосклоне всех турниров заблистали две новые звезды. Девушки, молва о которых разошлась далеко и даже шагнула за море, славились не только неотразимой красотой и грацией, но и буквально ангельскими голосами, слушать и видеть их приезжали из самых отдаленных графств. Девушки, как сиамские близнецы, были неразлучны, кстати, они были и похожи друг на друга, как два одинаковых патрона, правда одна была брюнетка, а вторая блондинка. Однако их музыкальные ревью постепенно изменили направление, и обе они оказались на алтаре жриц любви — стали торговать своим юным, прекрасным, как скульптура Микеланджело, телом. В чем в короткое время значительно преуспели. Самые знатные рыцари считали за великую честь провести с ними ночь, а соответственно к их стройным ножкам потекли золотые ручьи. Но время неумолимо, к великому огорчению, все проходит, и конечно, прежде всего молодость. И вот наступил критический момент.

Они потеряли свои прелести и обаяние. Но на этом этапе их жизни произошло одно сенсационное событие. Скончался барон Шпильберг. При вскрытии его завещания люди буквально похолодели от ужаса — все свое состояние он завещал Эльзе и Лотте — как оказалось, своим родным дочерям.

— Чего же холодеть, естественное явление?

— Да, если бы не одно действительно леденящее

кровь обстоятельство: он-то, барон, и был постоянным клиентом близнецов...

— Вот те... — начал штурман.

— Не перебивай, лейтенант, слушай дальше, — шепотом произнес механик и придвинулся ближе к замполиту.

— Дальше все было, как и должно быть. Женщин прокляли и отлучили от церкви, но следует отдать должное — богатство старого греховодника Шпильберга им вручили полностью. Отверженные обществом, Эльза и Лотта решили организовать свой религиозный орден. Вот на этом самом месте, на острове среди озера, окруженного непроходимыми дебрями, в которых жили лишь медведи, волки и вепри, они построили обитель для бедных, сбившихся с пути девушек и назвали его «Эльзелот».

Мир тогда, как и сейчас, потрясала война, в отличие от этой она называлась Тридцатилетней, по-нашему, далеко не блицкриг.

Особенно активно в ней действовал шведский король Густав-Адольф II Ваза — человек очень храбрый и воинственный, самый популярный и любимый монарх шведов, ну, скажем, как у нас Петр I или Генрих IV у французов. Он быстро захватил всю Прибалтику и, сейчас точно не помню, за какую из выигранных битв, захотел наградить своих рейтар, и весьма неосторожно объявил им, что выполнит любую просьбу доблестных воинов. Очевидно, отрезвев, любимец-король явно с большой тревогой ждал ответ от рыцарей, ибо любимец-то, как гласила молва, был скуповат и боялся, что придется сильно потрясти мощной.

Каково же было его удивление, когда верные подданные потребовали от него всего лишь монастырь «Эльзелот» со всеми его обитателями.

— Вот те... — начал было штурман, но на него сразу зашикали, и он замолчал.

— Какие же сокровища хранились в этом монастыре? — продолжал Долматов. — Ведь все свое состояние близнецы-игуменьи израсходовали на строительство монастыря и оснащение его необходимым имуществом. Но по пресловутому неписаному, однако, к сожалению, часто действующему в жизни закону равновесия, споткнувшиеся и несчастные девушки были и самыми красивыми. Вот на это богатство и претендовали соскучившиеся по женской ласке вояки.

Густав-Адольф чуть не проглотил язык от радости, когда узнал, что награда ему не будет стоить и кроны.

Разрешение было дано. И вот ночью сотни рейтар окружили озеро с расположенным на нем островом и замком. Но, как они ни бились, найти брод, по которому мы пришли, не могли. Они уже хотели снять осаду и уйти не солоно хлебавши, проклиная тот день, когда их попутал лукавый и, отвернув от золота, направил на путь явно сомнительный, когда из монастыря на их сторону приплыла девушка. Скорее всего она была из новичков и еще не окрепла в вере. Ночью, когда воины сидели у разложенного огня, она возникла перед ними неожиданно, как призрак, но призрак осязаемый, теплый, розово-золотистый в свете, бросаемом пламенем костра, как гимн красоте человеческого тела. Пройдя меж оторопевших рыцарей, она остановилась перед их вождем и плавным жестом указала на брод. Как только ее рука замерла — грянул взрыв. Не желая отдавать себя на поругание чужеземцам, монашки взорвали монастырь вместе с собой...

Несколько минут все молчали. Тишину нарушал только скрипучий крик в прибрежном кустарнике какой-то ночной птицы, да изредка в озере всплескивала потревоженная рыба.

— Прекрасно, — произнес командир, — даже если ты, комиссар, и кое-что добавил от себя, все равно мо-

лодец, здорово снял со всех нервное напряжение, преклоняюсь.

— Ладно, друзья, спите-ка лучше, а я пойду проверю караулы, давняя журналистская привычка работать ночью.

Долматов поднялся, взял автомат и, перешагивая через лежащих людей, пошел к выходу.

Когда замполит вернулся, все уже спали. Он расстелил бушлат и улегся, подложив под голову вещмешок. Но сон не шел. Долматов привстал и пошарил рукой в изголовье, ища фляжку с водой.

— Не спится, Коля? Дай и мне попить, — командир протянул руку, — тоже заснуть не могу, самые ошалелые мысли лезут в голову.

— А мне почему-то удивительно легко, — произнес Долматов. — Вот кончится война, и вечером под Новый год приду я знаешь куда?

— На Невский?

— Нет, Леня, в ресторан. В самый лучший. И не один, а с девушкой. И чтобы она чем-то была похожа на Ирму, шатенка с длинными волосами. Будет светло и уютно, будет играть музыка и пахнуть духами. А она будет сидеть напротив и смотреть на меня голубыми близорукими глазами.

— А почему обязательно близорукими?

— А потому, мой дорогой командир, чтобы она не сразу поняла, что я рыжий.

— Ты красивый парень, Коля, хотя у нас, ребят, понятие мужской красоты, к сожалению, иное, чем у женщин. Но ты красивый и даже, как писал Лермонтов о Печорине, породистый. Тот, как и ты, был блондином с черными бровями. Но когда-то это все будет?

— Скоро. Очень скоро. Ты помнишь наш разговор на плавбазе о воспитании детей?

— Ну?

— Я хочу сказать, что нас, наше поколение, воспитывали правильно. Да, да. Было голодно, холодно, но никогда не было скучно. Нас воспитали так, что мы не боялись, понимаешь, не боялись войны, больше того, как это ни парадоксально, мы ее даже ждали, правда, по-детски — эх, скорее бы война. И все это сказалось. Мы не успели подготовиться экономически и организационно, а вот морально, ты меня прости, с избытком. Опять же, повторяю, потому, что мы ее не боялись. А как следствие могу сказать, что не боялись потому, что были уверены, абсолютно, непререкаемо в своей победе. Получалось странное явление — отступаем, удивляемся, недоумеваем, а вера в победу только крепнет. Жизнь подтвердила правильность теории: в процессе войны капиталистического государства с социалистическим первое разваливается, а второе крепнет. Вспомни, какими мы и Германия были вначале и какими стали теперь. Так-то...

День прошел в приготовлениях к дальнейшему переходу. Вечером возвратился посланный на встречу с радисткой боцман Ян, он доложил, что Ирма на условленное место не явилась.

Ольштынский и Долматов, выслушав боцмана, молча переглянулись.

— Значит, говоришь, не пришла? — командир поднял голову и пристально посмотрел на боцмана.

— Нет, не пришла. Я ждал долго. Действовал очень осторожно. Предварительно убедился, нет ли за мной слежки и не готовят ли фашисты засаду. Все было совершенно нормально, Ирма не появилась, больше ждать не было смысла, и я вернулся.

— Все правильно. Ждать действительно не было смысла, — задумчиво произнес замполит. — Надо срочно уходить. — Он встал и посмотрел вокруг, где в развалинах расположились люди. — Надо срочно уходить, как можно быстрее и дальше, трудно сказать, что там

страх, не исключено — Ирма в руках гестапо. Я далек от подозрений, но она знает, где мы находимся, знает об «Эльзелоте».

— А если подождать до завтра, вдруг что-нибудь прояснится. Попытаемся еще раз послать Яна?

— Я тебя понимаю, Леонид, но это ни к чему — мы многим рискуем. Если бы речь шла только обо мне, не было бы никаких разговоров, но с нами люди, и забывать об этом нельзя. Собирай отряд, командир, минут через десять нужно сниматься!

Группа моряков, соблюдая предельную осторожность, выслав вперед разведку, двинулась густым, смешанным лесом на восток. Под ногами шуршали опавшие и уже просохшие листья, кое-где глянцевито поблескивала хвоя. Один раз через заросшую кустарником просеку прямо из чащи выскочили кабаны. Остановившись, они несколько мгновений недоуменно смотрели на матросов, будто пытались осмыслить, как попали сюда, в их глухое обиталище, эти странные существа. Затем с негодующим хрюканьем рванулись обратно и через некоторое время исчезли в зарослях орешника.

ГЛАВА 6

ОБЕРШТУРМФЮРЕР ВАЙС

Начальнику гестапо оберштурмфюреру Генриху Вайсу только что принесли доклад о вчерашних происшествиях в Кайпилсе. Неторопливо отхлебывая маленькими глотками горячий черный кофе из фарфоровой чашки, Вайс сидел в удобном, обтянутом коричневой кожей кресле и левой рукой, как пасьянс, раскладывал на столе аккуратно вырезанные, строго одного размера, листки и схемы донесений. Он осторожно опустил чашечку на блюдце, затем не торопясь вынул из продолговатой зеленой пачки английскую сигарету, щелкнул серебряной зажигалкой, глубоко затянулся и, запрокинув голову, выпустил к потолку тонкую струю голубоватого ароматного дыма.

Настроение у оберштурмфюрера было хорошим, и не потому, что за проведенную операцию по обнаружению и ликвидации большевистского подполья в городе ему предстоит повышение в должности и награда. Хотя это само по себе и неплохо. Главное было в другом,

а именно в чувстве психического, внутреннего удовлетворения собой.

Еще будучи студентом-юристом Лейпцигского университета, он страстно увлекался философией и даже одно время подумывал, не переменить ли факультет. Однако, оценив обстановку, царившую в Германии, пришел к выводу, что лучшего места, чем гестапо и СС, для применения на практике его философских концепций придумать трудно, а в этих учреждениях, при прочих равных качествах, преимущество отдавалось юристам. Вступив по настоянию отца в национал-социалистскую партию, молодой Генрих и не думал разделять, как он сам себе говорил, путанные и бредовые идеи околпаченных мясников, пивоваров и лавочников. Вайс обладал гибким и острым умом, что в сочетании с характером прирожденного авантюриста делало его человеком, «выходящим за обычные рамки эталона нацистов».

Вначале всей душой, со свойственной юности жаждой поисков идола отдаваясь сочинениям Ницше, он отнюдь не питал к последнему слепой безрассудной любви, как и вообще к чему-либо. Нет, он не считал философа ни мятежником, ни бунтовщиком и хотя был относительно согласен с Цвейгом, что с Ницше «впервые появляется на морях немецкого познания черный флаг разбойничьего брига», тем не менее его не ввели в заблуждение демагогические, полные сарказма и мрачного остроумия нападки на буржуазную философию. Он, в конце концов, взял у Ницше только то, что было необходимо ему, уже несколько повзрослевшему Вайсу, или сопададо с его мыслями и чаяниями.

Он принял «де факто» как фундамент к своей идеологии доктрину о вседозволенности супермена, об исключительности сильных людей.

Главным наставником для Вайса-мальчишки был отец; мать он потерял, когда ему было всего два года,

она умерла от гриппа, и он ее совсем не помнил. С Вайсом-старшим они, как равные, устроившись поудобнее в кабинете, в уютной спокойной обстановке под легкое потрескивание дров в камине вели нескончаемые разговоры о превратностях человеческой судьбы. Многие из того, что он тогда услышал, стало руководством к действию на его жизненном пути.

Отец Вайса, как он сам себя называл, был капиталистом-философом. Генриху никогда не забыть, как отец, несколько тучный и совершенно седой, со смаком потягивая коньяк, говорил: «Успех в жизни зависит только от тебя: помни, что никто и никогда тебе не поможет, никому и никогда не верь, не забывай: все в мире относительно и основным мерилom должна быть только та польза, духовная или материальная, которую получишь ты независимо от того, как люди назовут путь к ней — подвигом или подлостью. Не торопись с первых шагов вознoгиться на большие посты, сначала учись, обогащайся знаниями и опытом, ищи не должность, а начальников: умных, опытных, у которых перенимай все хорошее. Если же почувствуешь, что учиться больше нечему, можешь — а у нас сейчас для этого идеальные условия — своего шефа устранить, написав на него донос в гестапо.

Самое большое благо нашей эпохи — быть независимым. Дать эту независимость могут только или большой ум, или большие деньги. Первое ты должен развивать, ну а что касается второго, я позаботился об этом; и после моей смерти ты получишь изрядный капитал — вклады в иностранных банках, смотри не сделай глупости и не переведи их к нам».

Через несколько дней после начала войны отец «утонул», купаясь в озере на загородной вилле. Генрих точно усвоил его уроки, и, когда понял, что отец стал помехой, ловко донес на него, получив деньги и репутацию исключительно преданного идеям фюрера. Голубая мечта

о супермене воплощалась в жизнь. И еще больше укрепились она, когда он поступил на службу в гестапо, ибо основным принципом работы там был как раз принцип вседозволенности в борьбе с врагами рейха и фюрера, а под эту категорию можно было подвести кого угодно.

Вайс видел себя некоронованным королем некой империи, перед деятельностью которой и только от одного упоминания ее имени будут бледнеть кинозвезды, хвататься за валидол министры и крупнейшие государственные и политические деятели. Ему представлялось, что он, как бы находясь на одном из полюсов земного шара, держит в руках, словно вожжи, всю сетку меридианов и параллелей и ощущает малейшие импульсы, возникающие в любой точке планеты и тотчас же передающиеся в центр его синдиката. Широко разветвленная и плотно охватывающая даже самые дикие и удаленные провинции земли, паутина его агентов, осведомителей и инспекторов изо дня в день будет пополнять его огромную картотеку — досье на всех мало-мальски чем-либо проявивших себя людей. Его служащих будет интересоваться все — от меню завтрака до политических убеждений их подопечных. В жизни и деятельности каждого будет выискиваться какая-либо червоточинка, слабость или тайный порок, соответствующим образом обрабатываться, трансформироваться и раздуваться, иллюстрироваться изобразительными, слуховыми или вещественными доказательствами.

И наконец, когда львиная доля этой обширнейшей коллекции будет готова, он, Вайс, станет как хочет вершить суд и играть человеческими судьбами.

Этот поистине сатанинский план он начал вынашивать давно и, как ему казалось, сделал немало для его реализации.

Оберштурмфюрер встал и, слегка пружиня ногами в лакированных сапогах, словно разминаясь, прошелся

по своему большому, отделанному ореховыми панелями кабинету, со вкусом обставленному старинной мебелью.

Вайсу недавно исполнилось тридцать, он был высок, красив; сильная и в то же время гибкая спортивная фигура, темно-каштановые вьющиеся волосы, серо-голубые, несколько широко расставленные глаза.

Положив сигарету на край пепельницы, Вайс потер виски длинными тонкими и белыми пальцами с холеными наманикюренными ногтями, вернулся к столу и, сев в кресло, стал разбирать бумаги.

Ущерб от потопленного накануне танкера, а затем и транспорта, и ночного налета авиации был огромен. Оберштурмфюрер внимательно вглядывался в схемы и сопоставлял доклады всех постов наблюдения. Некоторое несоответствие интенсивности бомбовых ударов заставило его насторожиться. Основными объектами интересов советской авиации, как явствовало из донесений, были порт, его западная часть, вокзал и казармы эсэсовцев. Однако стоящие в стороне от этих объектов нефтесклады тоже были поражены двумя тяжелыми бомбами около полутонны весом каждая, хотя все остальные не превышали и ста килограммов. Выходит, кто-то специально навел авиацию на баки. Причем навел очень странно: сбросили две крупные бомбы и скрылись, даже не пытаясь повторить атаки или проверить результат, словно были абсолютно уверены в полном успехе. Далее следовало совсем невероятное: по показаниям наблюдателей, над этими районами не появлялся ни один вражеский бомбардировщик. «Ну-ка, ну-ка», — Вайс нагнулся над столом, впился глазами в план порта и долго изучал и сопоставлял факты. Неожиданно он откинулся назад. Ни о каких самолетах противника не может быть и речи, удар нанесен с моря, и так как надводные корабли полностью исключались, значит, это сделала субмарина. Склад был на самом пирсе, а его приемные трубопроводы выходили даже за кромку при-

чала. Вот сюда и попали торпеды. Взрыв крайних баков вызвал пожар остальных. Оберштурмфюрер удовлетворенно присвистнул, положил на стол карандаш, повернулся в кресле и нажал кнопку на краю стола.

Бесшумно отворилась высокая и в то же время почти сливающаяся со стенами дверь, и в ее проеме появилась очень молоденькая секретарша в ловко облегавшем ее стройную фигуру черном мундире. Она молча остановилась на пороге. На ее хорошеньком лице блуждала странная, то ли вопросительная, то ли обещающая, улыбка; девушка походкой манекенщицы шагнула в комнату и прикрыла за собой первую, обшитую кожей дверь.

— Грета? Будьте любезны Вальтера, пожалуйста, — сказал Вайс.

— Сейчас вызову, — сказала девушка, и; изящно поводя скульптурными бедрами, вышла из кабинета, плотно прикрыв тяжелые двери.

— Разрешите, господин оберштурмфюрер? — в кабинет входил штурмфюрер Вальтер. — Хайль Гитлер.

Вошедший был по внешнему виду полной противоположностью Вайсу. Небольшого роста, почти квадратный, с очень маленькой для массивной шеи головой, на которой топорщился светлый и редкий ежик. Поражали его глаза, будто бы они были вырезаны из темно-коричневой бумаги и приклеены на плоское с маленьким носом лицо.

— Хайль. Заходите, Вальтер. Прошу садиться. Доложите мне поподробнее о событиях прошедшей ночи. Видите ли, у меня возникли кое-какие сомнения относительно действительного положения вещей и вашего вывода о налете советской авиации.

Офицер, немного косолапя короткими толстыми ногами, прошел к столу, отодвинул в сторону кресло, сел, достал из кармана мундира блокнот, полистал его и, подняв голову, произнес:

— Я извиняюсь, господин оберштурмфюрер, но у ме-

ня тоже возникли кое-какие сомнения, и я уже направлялся к вам с дополнительной информацией, когда ваша секретарша сообщила мне о вызове.

— О, интересно, очень интересно, прямо телепатия. — Вайс не спеша достал сигарету, повертел ее в пальцах и закурил. — Излагайте свои соображения.

— После того как я уже отправил вам доклад, поступило сообщение об исчезновении портового буксира «МБ-10», который был послан на притопленный транспорт для установки огней и охраны. Поиски, организованные утром, ни к чему не привели — буксир как в воду канул.

— Вот это новости! — Вайс даже привстал. — Вы меня просто огорошили, штурмфюрер, ведь туда были направлены трое наших агентов с моим специальным заданием. Почему я узнаю об этом так поздно?

— Не поздно, господин оберштурмфюрер, а почти сразу же. Это стало известно всего час назад. Судно отошло в двадцать три часа. В полночь начался налет. В этом районе самолетов не было. Буксир все время был у севшего на мель транспорта. Утром обнаружилось, что он исчез. Посланные на катере люди вернулись ни с чем, если не считать, что в кладовой нашли фуражку боцмана.

— Команда не могла удрать, скажем, в Швецию? Хотя, конечно, нет. Что вы предприняли?

— На всякий случай дал приказ немедленно арестовать родственников боцмана и рулевого.

— И удалось кого-нибудь захватить?

— Да, все были дома, это меня немного озадачило, получается, что близкие не были предупреждены.

— Хорошо. Оставим пока буксир на вашей совести, бог с ним. Что вы думаете о пожаре и взрывах нефтесклада?

— Сначала мне показалось, что это результат налета бомбардировщиков. Эта версия сама лезла на передний

план. Но по сводке, с зенитных батарей и, в частности, с той, которая расположена поблизости склада и несет его охрану, самолеты в этом секторе не появлялись. Артиллеристы, помня приказ об экономии боеприпасов и запрещении вести заградительный огонь, не сделали ни единого выстрела. Это говорит за то, что удар мог быть нанесен с моря торпедоносцами или подводной лодкой приблизительно со стороны аварийного транспорта. Поскольку посты самолетов не обнаружили, значит это лодка.

— Но ведь там был буксир, он простоял всю ночь! С него бы заметили атаку, тем более с небольшой глубины. На судне были наши люди — раз, прибыли туда до налета — два, в-третьих, у них была рация, они могли сообщить нам, наконец, было оружие. — Вайс чуть наклонился вперед. — Не так ли?

— В том и дело. Ваши «раз, два и три» значительно все осложняют. Глубина там маленькая, и атаковать можно было только в надводном положении. Поэтому я все же склоняюсь к тому, что само бесследное исчезновение буксира тесно связано именно с появлением там субмарины русских и взрывом нефтескладов.

— Не торопитесь обобщать, Вальтер! А диверсия?

— Исключено. Я могу говорить об этом с полной ответственностью. Склады очень тщательно охраняются частями СС со сторожевыми, обученными собаками, и подобраться к ним незаметно с суши невозможно.

— Все это убедительно, но вы сказали: подобраться к ним с суши невозможно, понимаете, с суши? А с моря? Допустим на шлюпках?

— Также исключено, там хорошо поставлена береговая оборона и очень бдительны наши катера-охотники.

— Ваши катера? В их бдительность я не верю ни на грош. То-то они и упустили лодку, которая должна была высадить связника. Она ушла из-под самого их носа. А ведь как все было тщательно продумано! — Вайс

сунул сигарету в пепельницу. — Сейчас важно другое: куда делся «МБ-10»?

— Минуточку, господин оберштурмфюрер. — Вальтер вскочил и наклонился над лежащей на столе картой. — Как же я не догадался сразу! Вот смотрите. Это то место, где должен был высадиться советский разведчик. Высадка не удалась. Но куда же потом делась их субмарина? Ушла назад — воротилась, так сказать, во-свояси — вряд ли. Она появилась здесь и торпедировала наше судно.

— Можно подумать, что у русских всего одна лодка, и создается впечатление, она только для того и служит, чтобы водить нас за нос.

— Я не об этом. Вы помните, сразу после атаки транспорта командир авиаполка докладывал, что его летчик будто бы обнаружил лодку и сбросил на нее две глубинные бомбы.

— Да, да, да, вспоминаю. Несомненно, здесь что-то есть. Пожалуй, Вальтер, вы правы. Во сколько самолет заметил лодку?

Штурмфюрер полистал блокнот и, найдя нужную страницу, сказал:

— В шестнадцать часов десять минут.

— Ну вот. А склад взлетел на воздух в полночь. Так, спрашивается, где же была лодка почти восемь часов?

— Лежала на грунте где-нибудь рядом.

— Почему лежала, а не ушла? Ведь район очень опасный.

— Трудно сказать.

— Мне кажется, она просто не могла уйти, она была повреждена взрывом.

— Действительно, черт побери, как мне это сразу не пришло в голову. Потом она всплыла и, воспользовавшись налетом авиации, дала залп по нефтескладу, гениально!

— Вы так думаете?

— Я даже уверен в этом.

— И зря. Ибо вот здесь-то концы и не сходятся с концами. Во-первых, откуда они узнали о местонахождении нефтепирса? Во-вторых, допустим, лодка всплывает. Но ведь она же не может двигаться. А раз нет хода — нет и залпа. Вернее, залп-то может быть, но не прицельный. Насколько я помню морскую подготовку, субмарина производит наводку на цель корпусом, то есть сама собой, а в нашем случае это исключено. Сам себя за волосы не повернешь, необходимо за что-то уцепиться или к чему-то приткнуться. Понятно? — Вайс многозначительно поднял палец. — О! Она была ошвартована к притопленному транспорту, и сделать это можно только в темноте и тогда, когда не было буксира. То есть между десятью и одиннадцатью часами.

— Боже! Ну конечно. За него она, как за бочку, и ухватилась. И произвела наводку корпусом на пирс.

— Вот теперь все почти верно. Осталось выяснить, откуда им стали известны координаты склада, и уточнить, куда делся буксир? Но не будем упускать из виду некоторые детали. Что это могла быть за лодка? — Вайс поднялся из-за стола, подошел к сейфу, открыл его и вынул небольшую книгу в красном коленкором переплете. — Анализируя факты, можем установить, это субмарина типа «Щ» или «щука» — красиво? На этом корабле шестьдесят человек экипажа. Вот они-то и расправились с командой буксира, предварительно, я уж не знаю как, выпытав у них координаты хранилища. Потом дали залп по нефтескладу и, сами затопив свою поврежденную лодку, ушли на этом буксире, обведя вокруг пальца вас, штурмфюрер, и вашу хваленую береговую оборону. Вам ясно теперь? — Вайс захлопнул книгу, швырнул ее в сейф, повернул ключ и вернулся в кресло. — Что вы на это скажете?

— Все было бы именно так, господин оберштурмфюрер, если бы не одно небольшое обстоятельство.

— А именно?

— Утром после доклада об исчезновении буксира я проделал небольшой эксперимент. Максимальный ход судна десять узлов. С момента залпа до того времени, когда я занимался опытом, прошло девять часов. При всех самых благоприятных для русских обстоятельствах они могли уплыть лишь на сто миль максимум. Вот по этой дуге я и послал в десять утра два самолета-разведчика. И как вы думаете, что они обнаружили? — Вальтер с усмешкой посмотрел на Вайса и продолжил: — Ничего. Если они и уплыли на буксире, то недалеко, а затем его затопили, а сами высадились в наш тыл и скрываются где-то в лесу.

— Я доволен вами, Вальтер, хотя, скажу откровенно, сначала меня несколько огорошил ваш первый рапорт о налете.

Звонок телефона перебил речь оберштурмфюрера. Вайс, недовольно поморщившись, снял трубку.

— Я слушаю. Да. Когда-когда? — он вдруг вскочил и перехватил трубку в левую руку. — Только что? Сейчас же ко мне, немедленно. Никаких задержек, молниеносно. — Вайс сел, положил трубку на рычаг и, глядя на штурмфюрера, засмеялся. — Знаете, разлюбезный мой Вальтер, нам чего-то уж очень начинает везти. Прямо фантастически.

ГЛАВА 7

В КАЙПИЛСЕ

— Вот мы и прибыли, — боцман Ян поставил чемодан на большой трухлявый пень, — дальше пойдете одна, как я вам объяснял. Хорошо ли запомнили?

— Хорошо, спасибо большое, Ян, — Ирма протянула руку, чтобы взять чемоданчик, — доберусь сама, не беспокойтесь.

— Значит, завтра с утра и до вечера, до восемнадцати часов, я вас буду ждать именно тут. Ничего не перепутаете?

— Нет, еще раз благодарю, до свидания, Ян, — Ирма пожала боцману руку. — Возвращайтесь к нашим.

— Счастья тебе, дочка! — Ян задержал руку радистки в своей, — что там сейчас в городе с моей старой, она же ничего не знала? А впрочем, я и сам не думал, что так произойдет, ну, даст бог, все образуется.

— Все будет хорошо, не терзайте себя — война. Мне нужно идти, еще раз прощайте.

— Ступай, дочка, да сохранит тебя господь, ступай. И тоже не волнуйся, за твоим командиром я пригляжу...

* * *

Ирма неторопливо шла вдоль окраины леса, заросшей кудрявым, колючим боярышником. В кустах, склевывая крупные темно-красные ягоды, суетились с громким чириканьем воробьи. Выбитые колесами две глубокие колеи были заполнены похжей на жидкий шоколад коричневой жижей. Дорога то вбегала в густой и темный сосняк, то вырывалась на небольшие с одиноко стоящими березками полянки, и сразу становилось светлее. Повсюду уже чувствовалась осень. В винном запахе прелых листьев и грибов, в желтых и багряных мазках на общем пока еще зеленом фоне леса. Постепенно слабый ветерок разогнал облака. Значительно посветлело, и кое-где сквозь сероватую пелену неба стали пробиваться первые робкие лучи солнца. Отойдя около полукилометра, Ирма резко свернула в лес. Здесь, в ольшанике, разгребла листья суковатой палкой, вырыла небольшую яму и, завернув в плащ-палатку, уложила туда рацию и часть снаряжения, затем засыпала тайник землей и сверху в беспорядке набросала засохшие сучья. Вернувшись к дороге, она недолго постояла в кустах и, убедившись, что никого нет, быстро прыгнула через обочину и пошла дальше. За ориентир она приняла старенькую, посеревшую от времени часовенку, стоящую около тропинки. Одета Ирма была так, как ходят жители лесных хуторов: домашней вязки свитер с грубой темно-синей юбкой, сапожки, коричневая с накладными карманами и откинутым за спину капюшоном куртка, на голове платочек в белую и зеленую полоску. В рюкзаке,

висевшем на одном плече, было немного продуктов да так кое-что из одежды. По «легенде», она возвращалась с хутора Мигул, куда ходила менять вещи на хлеб. Сама же постоянно живет в Кайпилсе, работает на рыбокопильне укладчицей. Документы разведчицы были в полном порядке, да и вся «легенда» не вызывала сомнения, на рыбокопильне действительно работала девушка Ирма Линдус, и, больше того, она как раз в это время, отпросившись у хозяина, уехала в деревню за продуктами. Много, очень много в ту пору ходило народа между голодавшим городом и как-то сводившей концы с концами деревней в поисках хлеба насущного.

Дорога выскочила из перелеска и под прямым углом уперлась в асфальтированное шоссе.

Ирма перебежала на правую сторону и пошла вдоль заросшего лопухами кювета. Навстречу ей часто стали попадаться спешащие на восток машины с какими-то грузами, военные и санитарные автобусы, мотоциклисты, изредка громыхали повозки, запряженные сытыми и гривастыми конями бело-желтой масти.

Ирма надеялась, что кто-нибудь, едущий в город, подхватит ее. И действительно, одна машина — большой крытый брезентом тупоносый грузовик, — когда Ирма подняла руку с букетом набранных по пути кленовых листьев, свернула к обочине и остановилась. Девушка подбежала к кабине и открыла дверцу. За рулем сидел молодой белобрысый, с белыми бровями и ресницами, улыбчивый парень в немецкой, мышинового цвета форме с погонами ефрейтора.

— Здравствуйте, господин унтер-офицер, — сказала Ирма по-немецки и улыбнулась, — не подвезете до города?

— О-о. Пожалуйста, с большим удовольствием, фрейлин, — парень весь так и засиял, — тем более вы, вероятно, моя землячка — прибалтийская немка? Ведь верно?

— Нет, я латышка, — ответила Ирма, усаживаясь рядом.

— О-о, — опять задохнулся от восторга ефрейтор, — а так хорошо говорите по-немецки. Почему?

— Мать была немкой. В семье говорили по-немецки постоянно.

Кстати, так было и на самом деле: мать Ирмы действительно была немкой, только из так называемых «покровских немцев» — живших в республике немцев Поволжья. Между ней и отцом — бывшим латышским стрелком — шло своего рода состязание в воспитании дочери, и, как результат его, получилось, что Ирма почти одновременно освоила немецкий и латышский; а уж потом русский.

Машина тем временем быстро неслась по раскатанному асфальту. Миновали небольшой расхлябанный деревянный мостик через вспухшую от дождей речушку с пологими низкими берегами, затем долго ехали вдоль побережья. Правда, самого моря не было видно за дюнами, поросшими одинокими соснами, но присутствие его ощущалось и в сыром ветре, и в резком йодистом запахе выброшенных на песок водорослей.

Дорога свернула налево, и из-за словно разбежавшихся врассыпную с пригорка редких сизых елочек показались первые дома окраины Кайпилса.

— Да, плохо стало с продовольствием, нам тоже урезали норму. — Немец немного помолчал, затем добавил: — Сейчас КПП будет, — он повернулся к Ирме, — документы приготовьте. — И, очевидно, решив ее успокоить и подбодрить, доброжелательно добавил: — Это так, пустая формальность, хотя на предыдущем посту даже груз проверяли.

Действительно, два похожих друг на друга долговых зых полевых жандарма с бляхами на груди мельком взглянули на их документы, откинули брезент, заглянули в кузов и сделали знак проезжать. Машина, неук-

люже переваливаясь через железнодорожные рельсы, въехала в узкие улочки города. Асфальт шоссе сменялся аккуратно уложенной глянцевой брусчаткой.

— Куда прикажете, фрейлин? — солдат опять расплылся в своей благодушной улыбке. Его светло-голубые детские глаза так и сияли доброжелательством и участием.

— Я живу недалеко от рыбокоптильни, у рынка.

— О-о, — он так и запрыгал от радости, словно ему вдруг подарили половину этого самого рынка. — Знаю, знаю, мне как раз по пути. Там совсем рядом наш саперный батальон... С превеликим удовольствием.

Грузовик выехал на площадь, миновал серое здание ратуши под остроконечной черепичной крышей, еле-еле протиснулся, чуть ли не задевая бортами стены домов, сквозь узенькую, как колодец, горбатую улочку и, прогромыхав через пути узкоколейки, свернул к базару.

Ирма давно не была в этом городе. Родилась она в Саратове. Мать умерла от брюшного тифа в голодном тридцать третьем. Потом переехали в Ленинград. В сороковом году, когда Красная Армия освободила Прибалтику, отца направили в Ригу. И она, уже учась в институте связи, приехала к нему на каникулы. Осенью вместе с отцом несколько дней провела в Кайпилсе. Сейчас она сравнивала то, что было раньше и стало теперь. Внешне, казалось, почти ничего не изменилось — те же узкие улицы, стоящие впритык друг к другу дома в стиле готики, черепичные или медно-зеленые крыши, голуби на площадях. Но все-таки было и что-то другое.

На улицах мало людей, да и те ходят настороженно, опасливо жмутся к стенам. Много солдат, и, что сразу бросалось в глаза, исчезли цветы. Да и сам город стал каким-то неухоженным, посеревшим, как больной или ослабевший человек. И как она не догадалась сразу — вывески. Она уже видела нечто подобное в 1940 го-

ду, но тогда, возвратившись в Ленинград, тут же забыла об этом, как забывают о каком-то небольшом, ничего не значащем эпизоде. Вывески частных магазинов, кафе и лавочек с фамилиями владельцев или названиями фирм. Там и сям виднелись: «Салон фрау Хильды», «Парикмахерская Августа Франца», «Казино «Луна». Из окон отдельных домов спускались длинные красные полотнища с белым кругом и черной свастикой в центре. Все стало чужим, даже сам запах города, а ведь каждому городу присущ, как и людям, свой специфический аромат, который запоминаешь надолго. Теперь Ирме казалось, что пахнет не мокрой мостовой и сгоревшим сланцем, не нагретыми солнцем крышами и лошадьми, как раньше, а синтетическим бензином и чем-то солдатским: то ли залежалым сукном, то ли ружейным маслом и сапогами.

У двухэтажного здания, стены которого были окрашены в нежно-салатовый цвет, а над широкой дверью висел щит с надписью «Сауна», грузовик повернул направо. Проехав метров сто, машина замедлила ход и, скрипнув тормозами, остановилась у дома с большими зеркальными окнами и вывеской, на которой были изображены несколько женских и мужских голов с ослепительно зализанными или наоборот неправдоподобно взлохмаченными волосами..

— Пожалуйста, фрейлин, — молодой солдат опять весь заискрился в улыбке, — счастливо добраться до дома, если в субботу будет скучно, приходите к кино-театру «Алмаз» к восьми часам, приятно проведем время. До свидания.

— Спасибо большое, я вам очень обязана, — быстро произнесла Ирма и, отворив дверцу, выскочила на мостовую, — до свидания. Если смогу, то постараюсь прийти.

— Всего доброго, фрейлин, будьте здоровы.

Грузовик резко тронулся с места и, оставив клуб

голубоватого дыма и сладковатый запах газаolina, скрылся за углом.

Ирма огляделась по сторонам и медленно пошла по тротуару к центру, где вокруг небольшого фонтана среди лип стояло несколько скамеек, на которых прежде отдыхали чаще всего пожилые люди. Она перекинула рюкзак на другое плечо и не спеша, будто пришла немного раньше на свидание, направилась к одной из лавочек. Теперь здесь почти никого не было, только на скамейке, рядом с той, что облюбовала радистка, спрятав лицо в ладони, сгорбившись, сидел какой-то мужчина в шляпе неопределенного цвета и черном вылинявшем и вытертом пальто. Ирма опустилaсь на скамейку, сняла с плеча рюкзак, положила его рядом и, откинувшись на спинку, вытянула ноги. Она никак не могла привыкнуть к мысли, что находится в городе, занятом фашистами, где за каждым углом, за каждой дверью притаилась опасность.

Отдохнув немного, она огляделась по сторонам и, убедившись, что не привлекла к себе внимания, встала, посмотрела на часы и неторопливо, словно не дождавшись кого-то, пошла к фонтану. В нем, как и раньше, в первый ее приезд, не было воды. На зацементированном дне от центра паутиной расходились трещины, валялись бумажки, пустые пачки от сигарет, обрывки газет, сухие опавшие листья. От фонтана она свернула в угловую улочку. Ирма шла на квартиру, где ей должны были помочь установить связь с теми, к кому направили. Правда, ее там не ждали. Поэтому ни о каких знаках, предупреждающих об опасности, не могло быть и речи. Она быстро разыскала дом и вошла в парадное. Поднялась по крутой каменной лестнице со стертymi ступенями и чугунными холодными перилами и, немного запыхавшись, остановилась на площадке третьего этажа, чтобы перевести дух. Все было спокойно. Она медленно, со ступеньки на сту-

пеньку переставляя вдруг начавшие противно дрожать в коленях ноги, держась за перила, поминутно заглядывая в пролет лестницы, пошла выше. Да, ошибки нет, на покрытой облупившейся эмалью двери, ведущей в квартиру семнадцать, висела позеленевшая медная табличка: «Зубной врач Эрнст Петерс».

Ирма подошла к перилам и посмотрела вниз. Никого не было. Она повернулась и нажала кнопку звонка. И тут же почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Дверь отворилась почти тотчас, словно по ту сторону только и ждали, когда позвонят. На пороге стоял невысокий человек средних лет в очках, в белом, слегка помятом халате и белой шапочке. Он оценивающе посмотрел на девушку, затем сделал приглашающий жест и, улыбаясь, немного пришепывая, произнес:

— Прошу вас, фрейлин, проходите.

— Мне нужен доктор Петерс. — Ирма насторожилась, на фотографии, которую ей показывали в Москве, был совсем другой человек, не имевший даже отдаленного сходства с тем, что стоял перед ней. — Я, очевидно, ошиблась квартирой?

Ладони, державшие букет кленовых листьев, стали влажными, между лопаток вниз покатались, неприятно щекоча спину, капельки пота.

— Нет, нет, вы не ошиблись — он ждет вас, проходите, — человек в халате все так же улыбался какой-то фальшивой улыбкой, как на театральной маске, показывая ровные белые зубы. — Прошу вас, не стоять же нам на лестнице!

«Все, попалась, — мелькнуло в мозгу Ирмы и сразу перехватило дыхание, — ведь он не может меня ждать, так как эта явка резервная, и, только объяснив ему, кто я и что мне нужно, он должен связать меня с подпольщиками».

— Извините, я все-таки ошиблась — это не тот

дом. — Она быстро повернулась, и тут же ее грубо схватили сзади за капюшон и пояс куртки и одним рывком втянули в квартиру. С пружинным звоном хлопнулась дверь. Ирма очутилась в темном, пахнущем лекарствами и нафталином коридоре.

— Спокойно, детка, не трепыхайся, — раздался рядом хриплый голос, — доктор здесь и, уж будь уверена, тотчас начнет тебя лечить и вдоль и поперек.

Ирма огляделась и увидела, что, кроме человека в белом халате, в глубине стояли два каких-то подозрительных типа.

— Давай-ка ее, Отто, в комнату, — хрипатым схватил за руку и, распахнув дверь, толкнул в спину.

— Стой, стой, Эрик, не торопись, — другой тип в сером коротком клетчатом пальто подошел к ней и,глянув сверху вниз, бросил: — Лалки подними, кисонька. Выше, выше, не стесняйся. И замри.

Ирма подняла руки и почувствовала, как по ее телу заскользили его грубые руки.

— А ну расстегни куртку!

Ирма распустила ремень и распахнула куртку.

Гестаповец сунул ладони ей под мышки, затем задрал юбку и ощупал бедра.

— Что, перетрусила, дрожат ноженьки? Пусто.

— Можешь вести, — клетчатый поднял лежащий у ног девушки рюкзак, — двигай вперед, птичка залетная.

Ирма вошла в большую светлую и уютно обставленную комнату. Справа на диване, рядом с которым стоял небольшой журнальный столик, закинув ногу на ногу, в непринужденной позе сидел молодой офицер СС с лейтенантскими знаками различия.

— Садитесь, пожалуйста, — он подал ей стул, а сам поднялся и, уперев ладони в стол, уставился на девушку ласковыми, внимательными глазами.

— Вот все, что у нее отобрали, — хрипатым поло-

жил перед лейтенантом букет уже немного пожухлых кленовых листьев, носовой платок, плоскую пудреницу с разбитым зеркалом, короткий обломок расчески, несколько рейхсмарок, ключи и заколки для волос. — В рюкзаке немного продуктов и кое-что из женских тряпок.

— Так, так. Ступайте, Эрик. И когда только вы перестанете брызгать слюной при разговоре? Идите на кухню. — Офицер взял удостоверение и, раскрыв его, спросил: — Ваше имя, фрейлин?

— Ирма Линдус. Я...

— Минуточку, извините. Как попали в Кайпилс?

— Я ходила менять вещи на продукты на хутора, вы же знаете, сейчас с продовольствием совсем плохо, и, возвращаясь, кажется, застудила зубы, — сплошные дожди, ноги все время мокрые, такая резкая боль, нет никаких сил терпеть, вот и решила зайти к доктору, — Ирма застенчиво улыбнулась, — а он, наверное, переехал, придется теперь искать другого.

— Да, он действительно переехал в иное место, но искать его не придется, мы вам устроим с ним встречу, если это, конечно, понадобится — офицер сочувственно закивал головой, затем повернувшись к человеку в белом халате и спокойным тихим голосом сказал: — Осмотрите ее, Фогель, и уж помогите, пожалуйста, такой симпатичной фрейлин, избавьте ее от столь тяжкого недуга. Я, правда, сам никогда не мучился с зубами, но мне говорили, что это весьма неприятное ощущение.

Тот, кого называли Фогелем, подошел к стулу, на котором сидела Ирма.

— Будьте любезны, запрокиньте, пожалуйста, голову и откройте рот, — зашепелявил он, — прошу вас. — Потом вынул из кармана плоскую никелированную лопаточку и кругленькое зеркальце на длинной тоненькой ручке. — Какой зуб вас беспокоит?

— Третий коренной сверху, — промычала Ирма.

— Так больно? — он постучал зеркальцем по зубу.

— Да, очень, осторожней, пожалуйста, доктор.

— Совершенно правильно, только это не простуда, а свежее дупло, необходимо пломбировать, все же остальные зубы, как жемчужины в королевском ожерелье.

— Я же говорила, — облегченно начала Ирма и поправила юбку на коленях.

— Подождите, не мешайте мне, — он достал какой-то блестящий крючок и опять склонился над девушкой. — Откройте рот, пошире и язык уберите.

Ирма почувствовала, как по зубу осторожно начали царапать.

— Больно же, доктор, — лицо ее скривилось, на глазах выступили слезы.

— Неправда, фрейлин, — «доктор» выпрямился и отвел в сторону на лоб закрывающий глаз диск, — дупло искусственное, сделано специалистом — и очень квалифицированным — недели две-три назад и составлено особой мастикой. Ни воспалительного процесса, ни обнажения нерва нет, а следовательно, болеть, к счастью для вас, не может — ваше утверждение идет вразрез со всей стоматологической наукой.

— Вот это ближе к истине, — ласково протянул офицер, снял телефонную трубку и набрал номер. — Оберштурмфюрера, пожалуйста. Хайль Гитлер, господин оберштурмфюрер, докладывает лейтенант Рейнхольд. На квартире доктора Петерса задержана молодая особа, назвавшаяся Ирмой Линдус. Документы в полном порядке. «Легенда» вполне правдоподобна, но доктор Фогель обнаружил при осмотре ложное дупло. Так. Слушаюсь. Будет немедленно исполнено, господин оберштурмфюрер, — офицер положил трубку на рычаг. — Отто, Эрик, немедленно доставьте задержанную к оберштурмфюреру Вайсу и прошу без ваших телесных комплиментов, от них даже меня тошнит.

— Так вот, Вальтер, нам действительно что-то уж очень везет. Сейчас мне сообщили: на явке была сделана засада, захвачен связник русских, и, мне кажется, именно тот, которого ждали при высадке с лодки. Наш агент, мир праху его, сообщал, что, по замыслам руководителей подполья, если сорвется доставка ради-ста морем, могут прислать иным путем и явится он на одну из двух явок, не связанных друг с другом. На ту, что, по его мнению, провалена, он разумеется, не пришел, а на другой мы его и накрыли.

— И когда же он будет здесь? — поинтересовался штурмфюрер.

— Это не он, а она, молодая симпатичная женщина: Ирма Линдус. Сейчас ее привезут к нам, а уж мы постараемся, чтобы она выложила все.

В дверь постучали. Вошла секретарша.

— Задержанную доставили, господин оберштурмфюрер.

— Давайте ее сюда.

Вайс пристально смотрел на сидящую перед ним женщину. Это было его манерой: постараться составить свое мнение о человеке до ознакомления с документами и до начала допроса. Выработать подход к объекту, форму дознания.

Лет двадцать пять — двадцать шесть, если учесть потрясение от ареста, может быть, и меньше. Интеллигентна. Красива, очевидно, умна. Держится настороженно. Впечатлительна. Эмоциональна. Немного нервна, скорее всего новичок, не исключено, что это даже ее первая подобная операция. Старается смотреть прямо в глаза. Дескать, я вся тут, скрывать мне нечего — наивное дитя.

Он взял лежащую перед ним голубую папку с белым распластанным орлом на переплете и медленно

просмотрел донесение и документы, отобранные у задержанной. Потом, прищурив глаза, внимательно посмотрел на девушку и нажал кнопку звонка.

В дверях появилась Грета, и рядом с ней гестаповец.

— Отправьте, пожалуйста, в седьмую камеру. — Вайс заметил, как на лице сидевшей на какой-то миг появилось и тут же исчезло то ли удивление, то ли недоумение. «Вот это уже хорошо, — отметил он про себя. — Она ожидала допроса, чего угодно, но только не того, что произошло».

Девушку увели. Когда за ними закрылась дверь, Вайс повернулся к притихшему в углу дивана Вальтеру.

— Ваше мнение, штурмфюрер?

— Это, несомненно, та связная, — гестаповец встал, отряхнул пепел сигареты в пепельницу и неторопливо прошелся по кабинету, слегка шаркая подошвами сапог по густому ворсу ковра, закрывающего почти весь пол. — Хрупкая, слабая девчонка. Работает, конечно, за идею. Комсомолка, а может быть, и коммунистка. Подкуп, мне думается, исключен. Однако, как большинство молодых, здоровых и красивых людей, очень жизнелюбива, отсюда — плюс то, что мы ограничены во времени — вывод: допрос третьей степени, обещание сохранить жизнь — и правда из нее посыплется, как переспевшие желуды с дуба.

— Кое с какими вашими наблюдениями и доводами, коллега, я согласен, но абсолютно отрицаю заключение — метод получения необходимых нам сведений. — Вайс достал сигарету и по привычке стал вертеть ее в пальцах. — Присаживайтесь, Вальтер, и давайте пофилософствуем.

«Начинается. Интеллигентские слюни, — подумал штурмфюрер, — а время идет, и только бог ведает, что могут натворить шестьдесят отборнейших, первокласс-

ных бойцов, которые сейчас шляются где-то в нашем тылу».

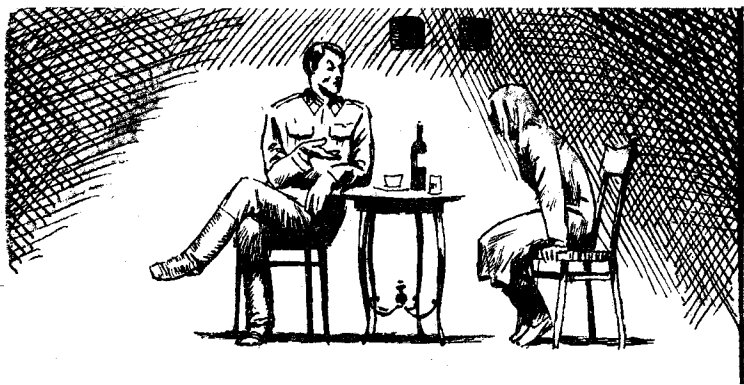
— Вы сами сказали: подкуп исключен. Правильно. И тут себя опровергли, предлагая ей сохранить жизнь. А ведь это тот же подкуп, только цена не деньги, а жизнь. Не логично. Допрос натур тонких, а тем более женщин, дело тоже тонкое, и грубости здесь быть не может, разумеется, физической. Кстати, вы читали Стефана Цвейга?

— Я не читаю произведений тех писателей, книги которых подлежат уничтожению по циркуляру министра пропаганды доктора Геббельса.

— Вот это зря, Вальтер. Я тоже с большим уважением отношусь к директивам доктора Геббельса, но ведь они предназначены не для нас. Поэтому я рекомендую вам подумать над моими словами и, в частности, обязательно прочитать «Шахматную новеллу» Цвейга. В ней описано, как наши коллеги для того, чтобы получить нужные им показания, применили особый род пытки — полную изоляцию, интеллектуальный вакуум, ибо, будучи психологами, знали, что на людей незаурядных, на их душу сильнее всего действует одиночество. Жаль, правда, мы не можем последовать их примеру — у нас нет времени.

А посему сейчас допросите сами нашу фрейлин. Я буду слушать через микрофон. Никаких вопросов ей не задавать. Только согласно нашим данным, что мы имеем за последние три дня, бесстрастным голосом опишите картину событий, абсолютно не реагируя на реплики, вопросы, комментарии. После этого, не давая ей прийти в себя, отправьте в камеру, установив наблюдение за поведением. Надеюсь, вы меня поняли?

Завтра же утром небольшой беседы со мной мы покажем нашей подопечной кинофильм номер три особой серии.

ГЛАВА 8

ЗЛОВЕЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Рано утром, войдя в кабинет, оберштурмфюрер нарушил свой обычный ритуал — знакомство со сводками и донесениями о событиях прошедшей ночи — и приказал немедленно позвать Вальтера.

Не прошло и трех минут, как в дверях появился штурмфюрер. Вид у него был усталый, маленькая головка, казалось, совсем провалилась в широкий ворот мундира, воротничок помялся, белки глаз пожелтели. После обычного приветствия он тяжело опустился на предложенный Вайсом стул.

— Как провела ночь наша подопечная? — спросил оберштурмфюрер, пододвигая к Вальтеру сигареты.

— Как черная пантера в Берлинском зоопарке — ходила из угла в угол. Ни разу даже не прилегла и не присела.

— Очень хороший признак. Ее поведение подтверждает мои предположения, что она новичок. Опытный

разведчик на ее месте, получив неожиданно-негаданно такую передышку, тотчас бы завалился спать, во всяком случае, лег бы, дабы обрести хотя бы физические силы для предстоящего допроса, который рано или поздно неминуемо последует. Что ж, вызывайте ее в студию.

* * *

Комната, куда ввели Ирму, выглядела несколько необычно: квадратная, без окон, стены и потолок окрашены белой масляной краской, но не блестящей болярничной, а поглощающей свет. Слева, в полуметре от стены, стоял небольшой диванчик. Над ним два крохотных выреза, какие обычно бывают в аппаратной кинотеатров, внизу, у самого пола, в углах комнаты, два радиодинамика. Рядом с диваном небольшой стол, за которым в кресле сидел вчерашний эlegantный оберштурмфюрер. Справа, вплотную к дивану, маленький столик, на нем кофе, бутылки коньяка и сигареты.

— Заходите, пожалуйста, фрейлин, садитесь, — офицер поднялся и, предупредительно улыбаясь, изящным жестом показал на диван. — Коньяк, кофе?

Ирма села на жесткий диванчик, зябко передернув плечами, хотя в комнате было тепло, и положила руки на колени.

Гестаповец вышел из-за стола. Подошел к ней, налил в рюмку коньяк, в чашечку кофе, пододвинул поближе сигареты и зажигалку.

— Прошу вас, не стесняйтесь, пожалуйста.

Ирма взяла рюмку и, немного отпив, поставила на стол. Затем обеими руками, одной за блюдечко, другой за ручку чашечки, поднесла ко рту ароматно пахнущий кофе.

Офицер сел рядом, закурил сигарету и, сощури-

шись от дыма, участливо и доброжелательно посмотрел на нее. Ирма насторожилась и поставила кофе на столик.

— Вы, наверное, обратили внимание, фрейлин, что мы не задавали вам никаких вопросов? Не так ли?

— Я ничего не знаю, меня задержали по какому-то странному недоразумению, вы ошибаетесь, принимаете меня за кого-то другого, — начала Ирма.

— Не будем об этом. Так вас ни о чем не спрашивали? А почему? Да потому, что, как это ни тривиально звучит, мы действительно о вас все знаем. Но только о вас. Вам зачитали документ и сообщения. На хуторах вы не были и так далее. В общем, не будем терять время. Нам действительно известно многое, но, к сожалению, разумеется для нас, не все. Вернее, не знаем одного — куда ушел отряд? И вы нам это скажете, так?

— Я ничего не скажу, — Ирма запнулась, — я просто ничего не знаю, мне ничего не известно ни о каких моряках.

— Ну зачем же так поспешно и неуклюже — то не скажете, а уж потом не знаете. И почему именно о моряках, я же просто упомянул об отряде. Но не собираюсь ловить вас на слове, я уверен, обратите внимание, уверен, мне, — он подчеркнул «мне», — вы скажете, куда ушел отряд подводников, вот теперь я говорю, что это моряки с подводной лодки типа «Щ».

— Я ничего не скажу. А про моряков мне сообщил ваш вчерашний офицер, который читал что-то, похожее на детективную повесть. — Ирма почувствовала страшную ненависть к этому красавцу. — Можете делать со мной все, что хотите, мне безразлично.

— Это уже хорошо, что вы заговорили. Но не надо строить из себя Жанну д'Арк, и вам далеко не все безразлично. — Вайс стряхнул пепел. — Опять же, к великому сожалению, теперь уже для вас, фрейлин,

все то, что говорят о нашем учреждении, у вас, в России, да и во всем мире, правда. Мало того, истины ради я бы добавил — правда уменьшенная. Мы применяем такие изощренные пытки, от которых застыла бы кровь в жилах у самых отпетых инквизиторов средневековья. Что поделаешь, они были дилетанты, а мы вооружены последними достижениями науки и особенно техники. Все, что говорят о зверствах в гестапо, правда. Боль для каждого «гомо сапиенса» остается болью, а Муция Сцеволы из вас не получится.

Ирма почувствовала мелкую дрожь во всем теле, ладони ее вспотели, перехватило дыхание.

— Мы значительно превосшли своих древних коллег и в другом. Вы, очевидно, помните, что Галилей сказал сакраментальные слова: «А все-таки она вертится», и через все рогатки они дошли до потомков. Если бы он сказал их сейчас, то до всеобщего внимания они дошли бы в несколько иной редакции: «Я отрекаюсь, она не вертится». Вам понятно, надеюсь, о чем я говорю? В протоколах допросов, которые мы бережно сохраним для историков, будет написано не то, что вы скажете, а то, что нам нужно. Теперь вы поняли, что, если я не узнаю, куда ушел отряд, моей маленькой мстью вам, первой ее частью, будет документ для тех, кто придет сюда после нас, что вы нам рассказали все. И это будет вашей гражданской гибелью. Те, кто вас любил, проклянут после смерти. А почему после смерти? Это уже будет моей второй маленькой мстью. О ней вы узнаете позже.

Если же вы скажете, куда ушел отряд, где и когда с его представителями назначено randevu, я отпущу вас на все четыре стороны, уничтожив следы пребывания в нашем ведомстве. Мне ваша жизнь абсолютно не нужна. Мне просто необходимо — это как идея-фикс — довести до логического конца то, что я задумал. Я всегда привык доводить свои замыслы до логическо-

го завершения. А сейчас разрешите продемонстрировать вам небольшой документальный фильм. — Вайс вернул к столу, сел в кресло и нажал кнопку.

Погас свет, остался только небольшой голубой светильник над самым диваном, так что Вайс, сам находясь в темноте, мог прекрасно видеть малейшие движения девушки, выражение ее лица. Неслышно, как призраки, в дверь вошли два человека в белых халатах и стали сзади Ирмы, по обеим сторонам.

На стене засветился яркий прямоугольник. Застрекотал аппарат. На белом полотне появилась почти точная такая же комната, квадратная, без окон, залитая светом вделанных в потолок матовых ламп. Распахнулась дверь, и два обнаженных до пояса здоровенных, гориллоподобных эсэсовца ввели в комнату молоденькую белокурую девушку в простеньком летнем платице в синий горошек — фильм был цветной. В ее больших голубых глазах на показанном крупным планом хорошеньком кукольно-детском личике застыл страх, пухлые губы маленького рта были полуоткрыты, слышалось частое свистящее дыхание — фильм был озвучен. Дальше началось нечто невообразимо кошмарное. Казалось, самое больное воображение садиста-маньяка не смогло бы создать ничего подобного. Эсэсовцы грубо сорвали одежду с девушки, они насиловали ее, выкручивали руки и ноги, ломали пальцы, рвали волосы, прижигали самые чувствительные места раскаленным железом. Из динамиков неслись душераздирающие вопли, крики, стоны и хрипенье, слышался хруст костей и бульканье льющейся крови. Камера выхватывала из этой изуверской сцены одну за другой мельчайшие детали, и в ярком свете, очевидно снимали на прекрасной пленке, все выглядело как что-то, находившееся за пределами человеческого восприятия.

Когда Ирма пыталась отвернуться или закрыть глаза, заткнуть уши, стоящие рядом с ней брали ее голо-

ву за подбородок своими сильными руками, отводили ее пальцы от ушей, принуждая слушать и смотреть.

Если она теряла сознание, что было неоднократно, Вайс тотчас нажимал на кнопку, фильм останавливался, и, как только Ирму приводили в чувство, все продолжалось дальше.

Ирму тошнило. Ее свела судорога. Она уже была на грани помешательства. Не владея собой, дернувшись, она снова потеряла сознание.

Очнувшись она от сильного запаха нашатырного спирта. Тело было как ватное, лицо, спину и грудь заливал пот, дрожали руки и ноги.

Комната была освещена как прежде. Аппарат не трещал, световой прямоугольник на стене исчез.

Ирма обвела комнату мутным взглядом и, вдруг задохнувшись от ужаса, закрыла лицо руками и вся съежилась — в дверях стояли, ухмыляясь, голые по пояс, те самые здоровенные, гориллоподобные палачи-эсэсовцы, которые только что на экране истязали девушку.

— Вы меня слышите? — над ней наклонился оберштурмфюрер, — откройте глаза, вот так. А теперь все зависит от вас: или скажете, где отряд и когда встреча, или эти молодцы сделают все то, что вы видели в этом чудесном фильме, но только героиней будете вы. Я жду ответа немедленно.

— Я скажу, — прошептала Ирма, — я все скажу, только оставьте меня хоть бы на час, на полчаса в покое.

— Хорошо. Уведите фрейлин и дайте ей кофе. — Вайс улыбнулся и помог Ирме подняться с дивана, — на вашем месте я поступил бы так же, уверяю вас, ведь жизнь у нас одна и дается только единожды. А я выполню свое обещание, можете не сомневаться, ровно через час я приглашу вас к себе.

Когда за Ирмой закрылась дверь, вошел Вальтер.

Вайс, довольно потирая руки, повернулся к нему и сказал:

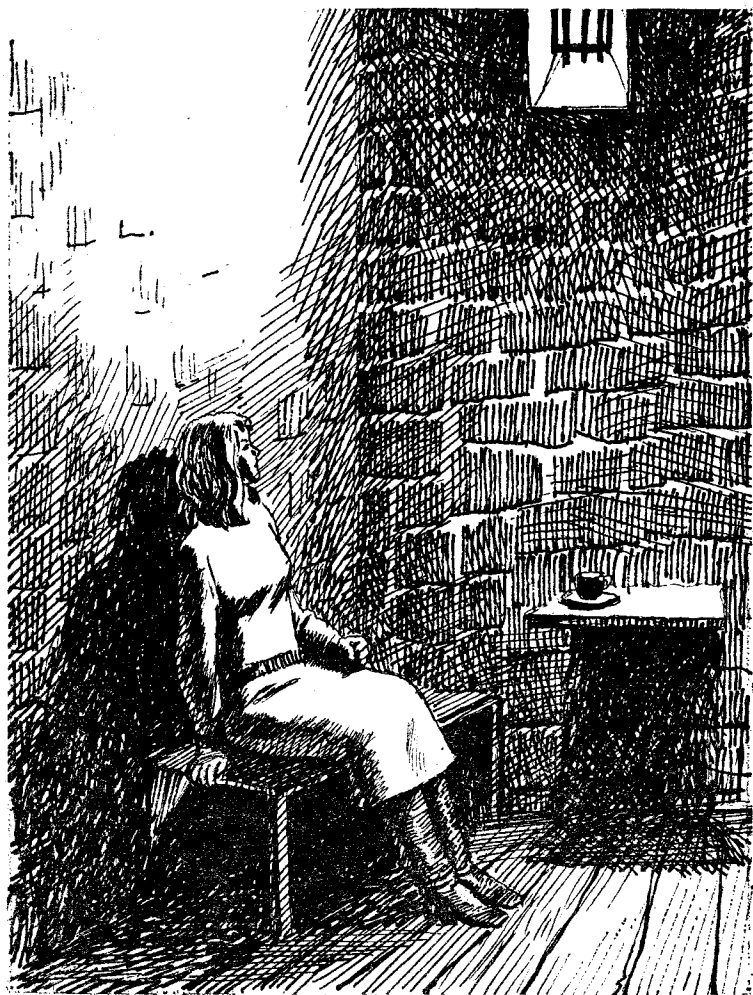
— Вот как надо работать. Это называется психической обработкой высшей степени. Между прочим, я не первый раз смотрю этот фильм, и всегда создается впечатление, что это не муляж — очень талантливо сделано. Вы же видели ее реакцию — все принято за чистую монету. Действительно, исполнено со знанием дела, даже у меня, прекрасно знающего, что это бутафория, игра, иной раз пробегает мороз по коже. Да, кстати, вы не забыли дать в ее камеру приглушенное звуковое сопровождение фильма? Мы сняли с коры ее головного мозга зрительные раздражения, а слуховые оставим.

— Я уже распорядился, как только она войдет в камеру — дадут звук.

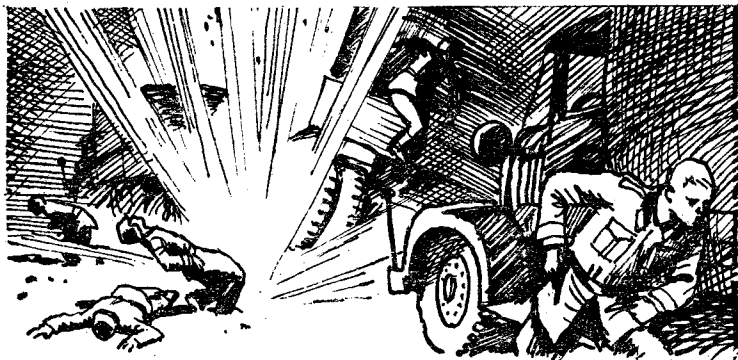
* * *

Ирма сидела на жесткой металлической койке, покрытой грубым, коричневым, пахнущим потом и пылью одеялом. Она прислонилась спиной к стене, вытянула ноги и запрокинула голову. Руки не могли держать чашку, и кофе все время выплескивался через край и обжигал пальцы. Боли она не чувствовала, перед глазами все плыло, к горлу подкатил вызывающий тошноту ком, в ушах все еще слышались стоны и крики истязуемой. Она была уверена, что это ей кажется, что это слуховые галлюцинации.

Придя немного в себя, она отхлебнула несколько глотков и поставила чашку на табурет. В голове пронеслись мысли: «Что ж я наделала? Это предательство, трусость и подлость. Но откуда они все знают?» Она вспомнила, как штурмфюрер, не обращая на нее внимания, с поразительной точностью воспроизвел всю картину событий. Разве только не совпадали отдель-

ные детали, но это и не так важно. В основном все было правильно. Они не знали одного: куда ушел отряд, когда и где у нее сним встреча. Что же касается остального, то можно было подумать, что кто-то просто находился рядом, среди своих. Но кто? Боцман Ян? Ведь он-то как раз и объяснял ей и Ольштынскому, где и как лучше организовать эту встречу и даже рекомендовал день и время, ссылаясь на то, что в этот период риск минимальный. Ну конечно же, это он, негодяй. Впрочем, что я, ведь Ян попал на лодку после гибели транспорта и ничего не знал о неудаче с высадкой. Нет, что-то здесь не так. Но тогда кто же? Может быть, второй матрос, родственник боцмана, но он не знает всего. Да, прямо с ума сойдешь. Что же делать, что делать? — Ирма огляделась вокруг. — О самоубийстве не может быть и речи, стоящий у двери и все время наблюдающий за ней в глазок гестаовец сейчас же ворвется в камеру. Как же она могла согласиться на такой гнусный поступок: выдать своих, Леонида, Долматова? Нет, нет, только не это. Пусть мучения и смерть», — Ирма встала и, лихорадочно сцепив пальцы, заходила по камере. За дверью послышалось движение, там насторожились, приготовились в случае необходимости тотчас вбежать в комнату. «Ну ладно», — Ирма опустила руки, обвела отсутствующим взглядом голые зеленые стены и направилась к двери...

ГЛАВА 9

БРОСОК ЧЕРЕЗ ФРОНТ

Уже третий день отряд моряков пробивался к линии фронта. После того как покинули монастырь «Эльзелот», прошли в глубь леса на юг километров тридцать. Потом круто повернули на восток, выбирая самые глухие звериные тропы, обходя стороной одиноко стоящие хутора и небольшие деревни, стараясь подальше держаться от шоссейных и грунтовых дорог. Не обошлось и без происшествий.

На вторые сутки, утром, матросы лежали на опушке леса, выжидая, когда более-менее спадет движение по шоссе и можно будет развернутой цепью перескочить его одним махом. Четыре грузовика, полные солдат, неожиданно свернули к противоположной обочине. Гитлеровцы, переговариваясь, высыпали на дорогу, полезли в кусты, стали ломать ветки для маскировки машин, несколько человек, схватив ведра, побежали к ближайшей речушке за водой. И вот тогда у кого-то из ребят не выдержали нервы. Над приумолкшей от

тарахтения машин дорогой грохнул одиночный выстрел. На какое-то мгновение замерли, точно внезапно оцепенели посреди своих занятий немцы, застыли и лежащие в зарослях моряки. Но это длилось только мгновение. Секунду спустя ударил залп, в растерявшихся фашистов полетели гранаты, застрочили автоматные очереди. В едином порыве подводники бросились на врага. Захваченные врасплох солдаты заметались среди грузовиков, пытаясь залезть в кузов, где они оставили оружие, но везде их настигали пули. Часть гитлеровцев побежала вдоль шоссе вперед, другие укрылись в лесу или между колес автомобилей.

Не прошло и десяти минут, как отряд углубился в чащу, оставив на дороге четыре горящие машины и несколько трупов солдат. Правда, чья-то оплошность не осталась и для моряков безнаказанной: трое были убиты и пять ранены.

Фашисты не преследовали колонну, вслед ей раздавалось несколько очередей и разрозненных выстрелов, и все прекратилось.

В полдень отряд остановился на привал. Костров не разводили, закусили сухарями и мясными консервами и, кто где мог, примостились отдыхать.

Место было выбрано удачно. На небольшой поляне, среди высокой, в рост человека, травы, стояла заброшенная рига, со всех сторон к ней подступал буйно разросшийся ольховый подлесок.

Еще прошлой ночью можно было наблюдать, как с той стороны, куда шел отряд, виднелось слабое зарево да изредка доносился глухой раскатистый звук канонады.

Командир сидел на свернутой плащ-палатке и задумчиво грыз соломинку, он ждал, когда возвратятся отправленные на разведку люди.

Долматов лежал на боку, оперевшись на локоть со-

гнутой руки и словно сился что-то вспомнить, не отрываясь смотрел на Ольштынского. Он, действительно, пытался вспомнить, кого же все-таки напоминает ему командир, и внешностью, и манерой поведения, и даже привычкой, снимая фуражку, легонько проводить рукой по светло-каштановым с небольшими залысинами на лбу волосам. Чей-то образ так и вертелся у него в сознании, но ухватить его он никак не мог. Это началось давно, еще тогда, когда он только прибыл на лодку, и с тех пор образ то приближался и становился почти осязаемым, то снова удалялся и растворялся в памяти. Наконец он не выдержал и спросил:

— Слушай, Леонид Сергеевич, тебе никто никогда не говорил, что ты на кого-то похож? А?

— На маму с папой одновременно — бабушка говорила. Ты думаешь, только у тебя была бабушка, Марья Ивановна. У меня тоже была — Пелагея Семеновна. Вот она-то и говорила, что похож я на отца-мать. Манера у нее была такая: скажу отцу-матери, куплю чаю-сахару.

— Нет, я не про то, на кого-нибудь из людей известных, популярных, что ли? — Замполит сел и, уперев локти в колени, ждал ответа.

— Да уж куда мне, — несколько растягивая слова, произнес Ольштынский и улыбнулся как-то очень доброжелательно.

— О! Вспомнил. — Долматов вскочил на ноги. — Ну точно же! — замполит захохотал, уперев руки в бока. — Артист Блинов! Вот на кого ты похож. И не там, где он играет Фурманова в «Чапаеве». Была такая картина «Четвертый перископ», еще до войны Он там изображает моряка. Так вот ты — это он.

— Ты хотел сказать он — это я?

— Какая разница! Теперь как камень с плеч, а то

все думаю и думаю, кого ты мне напоминаешь. Трубку бы тебе — и тогда вылитый Блинков.

— Вот так и получается в жизни: с одной стороны, ты вроде военный моряк, капитан-лейтенант Ольштынский, а с другой, ни дать ни взять — артист Блинков, раздвоение личности.

Из кустов, отряхивая капельки воды с накидок, показались разведчики.

— Наконец-то, — Ольштынский поднялся и смахнул приставшую к брюкам солому. — Докладывайте, что там делается в миру. Или лучше прямо изобразите вот здесь, на обороте карты. Рассказывай, штурман.

— Мы подошли почти к самому переднему краю, — лейтенант карандашом рисовал маршрут разведчиков и позиции противника. — Тут, чуть-чуть восточнее того места, где мы находимся, очевидно, стык двух частей, кругом болота, почти непроходимая топь, камыши, руку поднимешь — не видно. Дальше, на песчаных взгорках, видны окопы, линии укрепления, провололочные заграждения, а в лесу доты и артиллерия, танков поблизости нет. Вот здесь склады боеприпасов и горючего. Очень много ящиков, в которых обычно хранят патроны и снаряды, и железных бочек. Мы целый день неотрывно вели наблюдение. Охрана, хотя и сильная, но впечатление такое, что с этой стороны немцы ничего не опасаются, все внимание вперед, где проходит линия обороны, блиндажи, а дальше скорее всего позиции уже наших войск. Огневая активность пока слабая, так, бросят десяток мин или снарядов с обеих сторон и ждут. Изредка завяжется короткая перестрелка, и опять затишье. Сдается, что наши готовятся к решительному наступлению, а немцы время от времени пытаются, чтобы хоть чем-то разрядить обстановку, атаковать сил явно не хватает.

Ничейная полоса — метров двести, местность ровная, открытая, сильно избитая воронками — прямо свое-

образный лунный ландшафт, днем перескочить будет трудно — наши ничего не знают, и мы можем оказаться между молотом и наковальней. Вот тут я набросал дислокацию огневых точек и график смены часовых.

Действовали мы скрытно, даже провода их полевой связи не трогали. Могу на двести процентов ручаться, что фрицы нас не обнаружили.

Мое мнение — прорываться именно на этом участке. Спуститься той же дорогой, какой мы подбирались, цепочкой по одному. Скопиться в лошине и, как говорится, подстраховывая друг друга, перепрыгнуть через низину, на проволоку бушлаты набрасаем, перелезем. Но делать это можно только ночью — днем все как на ладони: щелкай на выбор.

— Ну что ж, сведения полные, какой талант, штурман, потеряла войсковая разведка в твоём лице, — засмеялся капитан-лейтенант. — Молодцы, идите отдыхайте, через часик соберемся и обмозгуем все детали прорыва, а мы пока помаракуем кое о чем с комиссаром...

Офицеры и старшины собрались в самом дальнем углу риги. Подняв тучи отдающей прелью пыли, чихая в ладони, уселись на брошенные на солому бушлаты.

Командир после сообщения о данных разведки объяснил план прорыва.

Было решено: разбить отряд на три части, первой во главе с лейтенантом подобраться как можно ближе к складам, без шума снять охрану и склады взорвать, второй — основной группе, которую поведет командир, ударить напрямик с тыла по блиндажам, забросать траншеи гранатами, выскочить на ничейную землю и, дойдя до середины, залечь, своим огнем прикрывая прорыв остальных. Долматову и его людям поддерживать действия первой группы.

Выступление назначили на двадцать три часа, когда, по словам разведчиков, до смены караулов останется совсем немного и уставшие часовые не будут столь бдительными. Сигналом к началу прорыва будет белая ракета.

Как только начало темнеть, произошло непредвиденное событие. На временный КП прибежал матрос и, волнуясь, сообщил: боевое охранение задержало трех человек, одетых в советскую форму. Их захватили тогда, когда они собирались пробраться к немецкому складу и нос к носу столкнулись с нашей засадой. Известные оказали сильное сопротивление, и только благодаря внезапности нападения на них и явного преимущества все обошлось без потерь и относительного шума. Задержанных доставили на командный пункт.

Перед командиром стояли трое молодых, крепких ребят в пятнистых плащ-палатках и касках.

— Кто вы такие и как сюда попали? — строго спросил Ольштынский солдата, у которого из-под каски выглядывал кусок грязного бинта.

— А вы кто такие и тоже как попали сюда? — вопросом на вопрос ответил неизвестный.

— Сейчас я вас спрашиваю, а не вы меня, тем более вы же видите, что говорите с советским морским офицером.

— А чем докажете? Море-то отсюда ого-го где, — солдат передернул связанными за спиной руками, — а любую форму нацепить дело недолгое.

Стоящие рядом с ним нахально засмеялись.

— Вот мои документы. Я капитан-лейтенант Ольштынский, командир потопленной подводной лодки, прорываюсь к своим, ясно?

— Теперь ясно, — солдат повернулся к товарищам. — Это свои. Ну а мы, — обратился он к командиру, — мы из десантного батальона, амфибийного, случайно отбились в лесу во время боя, обнаружили

склады, хотели взорвать, а тут ваши навалились. Я сержант Почкин.

— А это что за схемы? — Ольштынский вынул из брезентового портфеля, отобранного у сержанта, большую карту, испещренную красными, синими и черными пометками и стрелами.

— Понятия не имею. Портфель мы прихватили в одном из блиндажей, километров в пяти отсюда. Подошли — кругом вроде никого. Вдруг смотрим, офицер выскочил, налил в кусты и опять юркнул обратно. Мы их там обложили со всех сторон. Бросили внутрь пару гранат противотанковых, вот это взяли — и айда, дай бог ноги. От преследования оторвались, да его и не было, по сути дела, и завязли в болоте, поэтому и потеряли связь с остальным десантом.

— Развяжите их, — приказал Ольштынский, — верните оружие, и пусть поступят в распоряжение штурмана, в ту группу, которая пойдет взрывать склады, ребята тертые.

Захваченных развязали, и они, тихо переругиваясь с моряками, видно, вспоминая не совсем вежливое обращение, отошли к кустам.

— Сейчас же начать подготовку к прорыву, — продолжил командир. — Все делать, как наметили раньше. Если есть вопросы — задавайте.

— У меня два предложения, разрешите? — замполит встал. — Первое: в каждой группе выделить двух-трех боевых санитаров, им заготовить жерди для носилок. Ни одного раненого, ни под каким видом не оставлять. Постараться то же сделать и с убитыми, если будут. И второе: всем еще раз объяснить, что у нас гранаты «Ф-1», оборонительные, бросать их можно или лежа, или из укрытия — иначе сами подорвемся, что, кстати, и было при стычке на шоссе. Все у меня, Леонид Сергеевич.

— Тогда готовьтесь к бою.

Когда совсем стемнело, группы прорыва вышли на исходные позиции.

Впереди, над линией фронта, то здесь, то там, взлетали в черное небо ракеты; как гигантский стебель ландыша, они замирали на какое-то мгновение словно фиксировали в памяти свое положение, затем стебель гас, а сам цветок, озаряя все холодным серебристым светом, устремлялся к земле.

Ольштынский подполз к Долматову и осторожно тронул его за плечо.

— Коля, у меня к тебе, понимаешь, такая просьба. Все может быть, поэтому, если случится что со мной, выясни, пожалуйста, насчет Ирмы, скажу тебе по секрету настоящее ее имя Ирина Кальнинш. Наведи справки, узнай, что произошло, в общем, разберись и помоги, если надо. Добро?

— Сделаю, Леня. Не волнуйся, но мне кажется, ты этим сам займешься после того, как к своим проскочим.

— Да, я тебя попросить хотел, — Ольштынский тихо засмеялся, — после войны возьмешь меня с собой?

— Куда это, в редакцию, что ли? — удивленно протянул Долматов.

— Ну, выдумал тоже, я кадровый военный и не меньше тебя люблю свою профессию. Я о другом. В ресторан возьмешь вместе с близорукой голубоглазой шатенкой?

— Ах вот ты о чем. Возьму, Леня, возьму, вместе с Ирмой и придете.

— Спасибо, рыжий! Давай-ка начинать. Дуй к своим.

Не успел замполит отползти и полусотни метров, как с глухим хлопком из того места, где они только что разговаривали с командиром, шипя, взмыла вверх белая ракета.

Разорвалась, шарахнулась, рассыпалась в разные стороны тишина. Дружно застрочили автоматы, впере-

ди яркими вспышками стали лопаться взрывы гранат, замелькали фигуры бросившихся на врага моряков. Разрывы, выстрелы и крики слились в протяжный гул.

Спустя несколько минут там, где действовал отряд штурмана, неожиданно поднялся огромный всплеск огня, тотчас заколебалась волнами земля и по ушам ударил тугой грохот.

Старший лейтенант, ведя огонь из автомата, ждал, когда группа командира доберется до середины ничейной земли. «Пора», — подумал он и крикнул:

— Вперед, отходить к своим!

Моряки поднялись и, прыгая через воронки, побежали, отстреливаясь на ходу, туда, где залегла, прикрывая их перебежку, группа капитан-лейтенанта.

— Товарищ старший лейтенант! — сквозь шум боя услышал Долматов. — Товарищ замполит, здесь командира...

— Что командира? — Долматов обернулся на голос.

На краю воронки, держась обеими руками за живот, согнувшись вперед, на коленях стоял Ольштынский.

— Леня, Леня! Как же это ты, Леня? — Долматов схватил друга за плечи.

— Жи-во-от, Коля, — капитан-лейтенант повалился на бок.

— Как же ты не уберегся? Эй, ребята, живо носилки. Берите командира и бегом. Бегом, черт возьми! Во весь рост к своим!

Несколько матросов, продев жерди в рукава застегнутого бушлата, осторожно уложили капитан-лейтенанта и, прикрывая собой его тело, стали отходить к советским позициям.

— Бегом, я сказал! — дико закричал Долматов. — Скорее и сразу в медсанбат, пулей...

Комбат вынул из доставленного моряками брезентового портфеля карту и расстелил ее на столе.

— Вы знаете, что это? — спросил он после некоторого раздумья Долматова.

— Не было времени изучить, очевидно, схемы обороны и дислокация войск противника.

— Нет, дорогой мой старший лейтенант, это план уничтожения Риги. Варварского разрушения моего родного города. Смотрите, красным цветом помечены места, где гитлеровцы заложили мины замедленного действия и фугасы. Знаки черной тушью указывают запасы горючих материалов: нефти, керосина, бензина и прочего. Синие кружки — это промышленные объекты, жилые дома, предприятия. Цифры на них указывают, через сколько времени после пуска часов или включения этой каннибальской системы все взлетит, разумеется, вместе с теми, кто туда войдет, на воздух. Теперь понятно, что это такое?

— Да, понятно. Но когда начнется штурм, вам то уж, наверное, известно время? — Долматов встал и пристально посмотрел на майора. — Там, в Кайпилсе, это недалеко, каких-то километров пятьдесят или чуть больше отсюда, захвачена наша разведчица-радистка, может быть, еще не поздно ее освободить?

— Кайпилс вчера взят нами. Этим ударом завершилось полное окружение Риги. Что же касается времени наступления нашего корпуса, то могу сказать вам точно, завтра, — он посмотрел на часы, — виноват, сегодня на рассвете 10 октября корпус нанесет удар по западной окраине.

— У меня большая просьба к вам, товарищ майор, сообщите, пожалуйста, компетентным органам, что их радистка Ирма Линдус, вероятно, находилась в Кай-

пилском гестапо, надо что-то сделать, попытаться ее найти, надо действовать.

— Я доложу сейчас же об этом. А за планы, вот за эти карты и схемы большое спасибо. У меня в Риге жена и маленький сын. Как рижанин, благодарю вас и сержанта Почкина за такой подарок, мы передадим все это саперам. Ваша же группа пусть отдыхает, нужные распоряжения будут сделаны.

— А где у вас медсанбат? Туда сейчас понесли нашего командира, я его должен видеть, узнать, как он там.

— Я дам вам провожатого — вас отвезут...

* * *

— Вы справляетесь об офицере-моряке, недавно доставленном к нам матросами? — с сильным акцентом спросила дежурная сестра. — Одну секунду, я узнаю, — она встала и вышла в соседнюю комнату.

Минут через десять в сопровождении сестры вышел пожилой врач в больших роговых очках. Он остановился перед Долматовым, снял очки и, протирая их носовым платком, спросил:

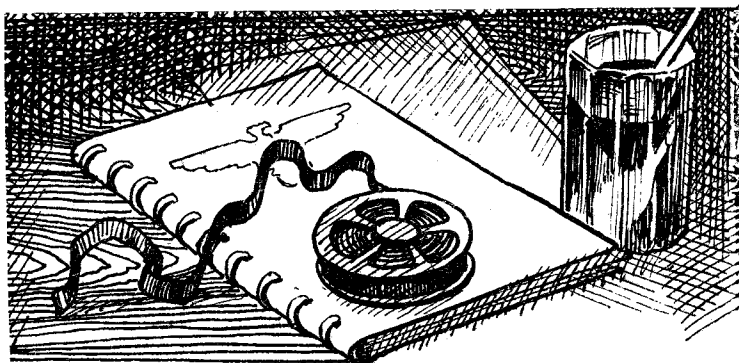
— Это вы интересуетесь моряком-капитаном?

— Я, доктор. Как у него дела — это очень серьезно? — Долматов снял фуражку и вытер ладонью лоб.

— Четыре пулевых проникающих ранения в область брюшины. Умер на операционном столе.

У Долматова перехватило дыхание.

— На минуту придя в сознание, относительно, конечно, спрашивал про Ирину и рыжего Николая, — врач посмотрел на волосы Долматова, — очевидно, про вас...

ГЛАВА 10

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Долматов сидел за большим, светлого полированного дерева письменным столом в просторном кабинете редакции и просматривал верстку очередного номера журнала. Тот, кто давно не видел его, при встрече обычно отмечал, что изменился он совсем мало. Седины было незаметно, она терялась в прядях его светлых рыжеватых волос. Он пополнил, но не потерял спортивного вида, и, главное, все такими же были пронзительно-синие, как васильки, глаза.

Перевернув очередную полосу, он резко отчеркнул что-то на ней карандашом и, опустив руку, нажал кнопку звонка с левой стороны стола.

Дверь отворилась, и вошла секретарша.

— Тамара, ответственного секретаря, пожалуйста, ко мне.

— Николай Николаевич, вас там спрашивают, —

девушка приблизилась к столу и улыбнулась. — Ваш приятель из Комитета государственной безопасности...

— Господи, пусть проходит быстрее, а отсекра потом. — Долматов встал и вышел из-за стола навстречу человеку средних лет в сером модном костюме.

Секретарша вышла.

— Как жизнь? Что нового? В Москве давно?

— Прямо из аэропорта и сразу к тебе.

— Садись, пожалуйста. Время есть? Может быть, махнем в Дом журналистов, ведь сегодня десятое октября?

— Время есть, против твоего ДЖ не возражаю, но сначала дело. Привез я кое-что интересное по кайпилским событиям.

— Серьезно? — Долматов опустил в кресло и пристально посмотрел на друга.

* * *

В Кайпилс он попал только спустя два года после окончания войны. Работники управления КГБ внимательно выслушали его просьбу ознакомиться с архивом кайпилского гестапо и материалами по делу подпольной организации, оказали журналисту всяческое содействие и «подключили» к нему молодого энергичного лейтенанта, ставшего впоследствии не только помощником, но и другом Долматова.

Перелистав тысячи страниц, опросив десятки людей, оба энтузиаста с точностью, до мельчайших подробностей восстановили всю картину деятельности подполья. Но нигде они не встретили ни строчки, ни слова о разведчице-радистке Ирме Линдус.

Всякий раз, когда по делам службы кто-либо из них попадал в Прибалтику, снова и снова начинали они свои поиски. И каждый раз надежды на успех было меньше и меньше. Это и понятно: шло время, собы-

тия тускнели в человеческой памяти, да и сами люди отнюдь не вечны. Молодой лейтенант стал подполковником. Уже, казалось, ничего нельзя больше сделать, прошло тридцать лет, и вот неожиданно что-то новое...

* * *

— Ну выкладывай, не тани. Действительно обнаружил какой-то след Ирмы?

— Не только обнаружил, но и привез и не след, а, по-моему, все дело. Да, подлинное дело, завизированное самим оберштурмфюрером Вайсом.

Подполковник открыл портфель, вынул голубую папку с белым распластанным орлом на переплете и маленькую катушку магнитофонной пленки.

— Два месяца назад в Кайпилсе проводили работы по реконструкции порта и у самого выхода подняли затопленный катер. Эти вещи были обнаружены среди других документов в герметическом сейфе. Прочти до конца, потом можешь задавать вопросы, — он положил папку на стол.

Долматов раскрыл первую страницу. В процессе чтения он неоднократно поднимал голову и порывался что-то спросить, но каждый раз подполковник делал движение рукой, означавшее: читай, читай дальше.

Наконец Долматов закрыл папку и посмотрел на друга:

— Теперь можно спрашивать?

— Теперь можно.

— Записи обрываются на обещании Линдус указать место и время встречи с отрядом, так?

— Да, именно обрываются.

— Но почему же тогда они нас не схватили, если она им сказала, где мы?

— Там написано, что она только обещала сказать.

— Так, значит, им не удалось все-таки вытянуть у нее, где скрывается отряд?

— Удалось ли или нет узнать, где вы прятались, это мне неизвестно. А вот место и время встречи она назвала точно.

— Не может быть! Ты что-то путаешь.

— К сожалению, нет, — подполковник достал из портфеля портативный магнитофон, вставил кассету и нажал клавишу.

Раздался какой-то легкий шум, потрескивание и тихий голос произнес:

«Да, я действительно высадились с подводной лодки, встреча с отрядом произойдет в пятницу, в час дня, у старой часовни у развилки...»

Голос оборвался.

Долматов сидел, откинувшись в кресле, закрыв глаза.

— Это ее голос, ты подтверждаешь? — подполковник остановил магнитофон. — Дальнейший текст к ней отношения не имеет.

— Да. Да, это ее голос. Никаких сомнений быть не может.

— Ты понимаешь, что произошло? Если это ее голос, то Ирма Линдус совершила преступление, предала, выдав место и время встречи с отрядом.

Долматов долго сидел молча, потом встал и подошел к окну.

— Нет, мой дорогой друг. Нет, и еще раз нет, — повторил он в раздумье. — Наш человек, а именно боцман Ян, должен был встретиться с ней во вторник у старой часовни и не в час, а ждать ее целый день до вечера. Ты понимаешь, во вторник! Она тянула время, давая нам возможность уйти из монастыря «Эльзелот» подальше. Была договоренность, если во вторник, я еще раз подчеркиваю — во вторник, она не придет, отряд срочно уходит, что мы и сделали. Она спасла нас от

гестапо, дав три дня отсрочки, за которые мы смогли бы оторваться от любой погони. Вот так-то.

Он стоял у окна и смотрел в бирюзовое небо. И ему вспомнилось, как однажды на берегу моря он наблюдал закат. Солнце давно уже скрылось за горизонтом, но свет его лучей еще долго золотил и разбросанные в беспорядке облака, и лазурь волн...

Подколзин И. В.

П44 Свет над горизонтом. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1976.

128 с. с ил. (Честь. Отвага. Мужество.)

Приключенческая повесть посвящена героическим действиям моряков в годы Великой Отечественной войны. Экипаж подводной лодки получил задание — перекрыть коммуникации противника в одном из блокированных портов и одновременно высадить на побережье радистку для связи с подпольной группой. В повести рассказывается о выполнении этого задания.

P2

П ~~70302—106~~ 262—76
~~078(02)—76~~

Игорь Васильевич Подколзин

СВЕТ НАД ГОРИЗОНТОМ

Редактор **Ф. Чуев**

Художник **Л. Корсаков**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Н. Баранова**

Корректоры **Е. Самолетова, Л. Матасова**

Сдано в набор 7/1 1976 г. Подписано к печати 5/IV 1976 г. А07271. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 4 (усл. 5,6). Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 75 000 экз. Цена 18 коп. Т. П. 1976 г. № 262. Заказ 2328.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

Игорь Васильевич Подколзин в Великую Отечественную войну добровольцем ушел в армию. После войны окончил Высшее военно-морское училище, плавал на кораблях Тихоокеанского и Балтийского флотов, участвовал в дальних походах. Закончив военную службу, работал инженером конструкторского бюро.

Выпускник факультета журналистики МГУ. Работал в журналах «Моделист-конструктор», «Техника — молодежи», «Техника и наука». Вышло три книги И. Подколзина. Его рассказы, очерки, статьи, репортажи печатались во многих центральных изданиях нашей страны и за рубежом.